

МАРИЯ МАРЦЕВА

КАРЬЕР

Мария Марцева

Карьер

«Автор»

2026

Марцева М.

Карьер / М. Марцева — «Автор», 2026

Таёжный городок Гранитный задыхается под каменной пылью и чужой властью. Завод стоит, люди гнут спину, говорят шёпотом и отводят глаза — город держит за горло криминальный хозяин Север, и милиция давно служит не закону, а тому, у кого деньги и сила. В этот город возвращается Игорь Завьялов — бывший сапёр-разведчик, семь лет провоевавший в горячих точках. Он ехал к больной матери и старшему брату, не зная, что война, от которой он уходил все эти годы, поджидает его на родной улице. Без формы, без линии фронта, с тонированными стёклами вместо брони. Игорь не может молчать. Он зовёт фронтовых братьев, поднимает забитых людей, ищет доказательства — и шаг за шагом расшатывает паутину страха, дани и продажного закона. Но главная битва — внутри: не озвереть, не стать таким же, как враг, не переступить ту черту, после которой защитник превращается в палача. Жёсткая криминальная драма о возвращении домой, о цене свободы и о праве человека не бояться.

© Марцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Часть I. Возвращение	6
Глава 1. Последняя остановка	6
Глава 2. Город в дымке	8
Глава 3. Дом	10
Глава 4. Брат	13
Глава 5. Кружка чая	15
Глава 6. Где Марина	17
Глава 7. Тень на скамейке	19
Глава 8. Карьер	21
Глава 9. «Хозяева»	23
Глава 10. Разговор с братом	25
Глава 11. Имя Севера	27
Глава 12. Чужая свадьба	30
Глава 13. Бессонная ночь	33
Глава 14. Я остаюсь	35
Часть II. Под чужой пятой	37
Глава 15. Контора в ДК	37
Глава 16. Притон	39
Глава 17. Ломка	41
Глава 18. Долговая тетрадь	44
Глава 19. Визит «вежливости»	47
Глава 20. Сдержанность	50
Глава 21. Опер Громов	53
Глава 22. Стена	56
Глава 23. Старый блиндаж	59
Глава 24. Письмо Татарину	61
Глава 25. Удар по карьеру	64
Глава 26. Провокация	67
Глава 27. Сорванная сделка	70
Глава 28. Марина приходит в себя	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Мария Марцева

Карьер

Вступление

Тайга стоит вокруг Гранитного сплошной стеной — глухой, тяжёлой, безразличной к тому, что творится у её подножия. Городок этот не сыщешь на больших картах. Вырос он давно, в стороне от трасс и железных дорог, вокруг каменного карьера да щебёночно-камнеобрабатывающего завода, и вся его жизнь — от первого гудка до последней смены — была завязана на этот серый камень. Люди тут рождались, дробили породу, старились у станков и ложились в землю неподалёку от тех же отвалов. Простая была жизнь, грубая, но честная. Так, по крайней мере, помнили старики.

От той честной жизни осталась одна память. Завод дышал через силу, гудок ревел всё реже, а половина домов на окраинах смотрела на улицу заколоченными окнами. И самое страшное было не в нищете. Страшнее была тишина. Люди разучились говорить громко. Они отводили глаза, понижали голос, оглядывались, прежде чем сказать соседу лишнее слово. Город будто проглотил собственный язык и жил, согнувшись, в постоянном ожидании удара.

Держал Гранитный за горло один человек — Северин Гладков по прозвищу Север. Объявился он со стороны несколько лет назад, тихий, вежливый, а потом весь город оказался у него в кулаке. Завод, рынок, магазины, даже похоронное дело — всё легло под него. Кого не сломила дань, того ломали долги с грабительским процентом, которые невозможно отдать. Кого не брали долги, того брали страхом — люди в этом городе порой пропадали, спивались, тонули в реке, и никто не задавал вопросов. Милиция давно ходила под Севером, и закон тут служил не правде, а тому, у кого деньги и сила.

В этот город и возвращался Игорь Завьялов. Семь лет он не видел родных мест — семь лет по контракту в горячих точках, сапёром-разведчиком, там, где пахло гарью и раскалённым камнем. Он ехал домой, к больной матери и старшему брату, не зная ещё, что война, от которой он уходил все эти годы, поджидает его на родной улице. Без формы, без линии фронта, с тонированными стёклами вместо брони. И уйти от неё будет уже некуда.

Часть I. Возвращение

Глава 1. Последняя остановка

Старый «ПАЗ» подпрыгивал на разбитой дороге так, что трясло всё тело. Игорь Завьялов сидел у запотевшего окна, придерживал на коленях вещмешок и смотрел на тайгу за стеклом — сплошную зелёную стену, местами прорезанную просеками. Семь лет он не был в этих местах.

В салоне пахло бензином, картошкой и кислым потом. Дачники дремали, привалившись к мешкам и сумкам. Через проход сидела старуха с двумя вёдрами, накрытыми тряпками, и то и дело поправляла их, будто боялась, что кто-то стащит.

— Слышь, командир, — водитель повернул к нему круглое красное лицо. — Тебе до Гранитного?

— До него.

— Не довезу. Мост на Каменке уже второй месяц ремонтируют. Высажу на повороте, а дальше пешком. Километров восемь.

Игорь кивнул. Восемь так восемь. Бывало, и больше проходил.

— А чего не чинят-то? — подала голос старуха с вёдрами. — Всё обещают и обещают... Как при старой власти, ей-богу.

Водитель усмехнулся, глядя в зеркало:

— А кто чинить будет, мать? Денег нет. Сейчас ни на что денег нет. А где они есть — там уже чужие руки хозяйничают.

Сказал он это спокойно, буднично, будто про погоду. Но старуха тут же поджала губы и отвернулась к окну, словно сказала лишнее. Игорь это заметил. В салоне повисло короткое, неприятное молчание.

Автобус сбавил ход и остановился у покосившегося указателя. Краска на нём почти облезла, но надпись «ГРАНИТНЫЙ — 8» ещё можно было разобрать.

— Приехали, солдат, — водитель дёрнул рычаг, и дверь со скрипом сложилась. — Дальше сам.

Игорь встал, закинул мешок на плечо и пошёл к выходу.

— Бывайте.

— Счастливо, — буркнул водитель. А потом добавил уже тише, ему в спину: — Ты там поосторожнее, в городе. Времена сейчас такие.

Игорь обернулся, но дверь уже закрылась. «ПАЗ» взревел, обдал его сизым выхлопом и покатил дальше, оставляя за собой пыльный след. Через минуту мотор затих за поворотом, и вокруг воцарилась тишина.

Игорь остался один на обочине.

Перед ним в лес уходила грунтовка — две колеи с травой посередине. Та самая дорога. Когда-то он шёл по ней в другую сторону — с рюкзаком, совсем ещё пацаном, к военкомату. Тогда он так же уезжал на пыльном «ПАЗе», а Марина махала ему рукой с моста.

Он постоял немного, привыкая. Потом глубоко вдохнул.

Хвоя. Сырая земля. И где-то в глубине ветра — едва заметный привкус каменной пыли, который ни с чем не спутаешь. Запах карьера. Запах дома.

Эти запахи накрыли его сильнее, чем он ожидал. Сильнее памяти. Там, откуда он вернулся, воздух был другим — раскалённый камень, гарь, чужие горы. А здесь тайга дышала спокойно, ровно, по-своему. Игорь закрыл глаза и прислушался. Шумели верхушки лиственниц. Где-то стучал дятел. Ни выстрелов, ни гула техники — ничего.

Он открыл глаза и пошёл.

Дорога поднималась в гору и знакомо петляла. Тело будто само помнило каждый поворот раньше, чем глаза успевали его узнать. Вот сухая лиственница, расколота молнией, — стояла здесь ещё в его детстве, обгоревшая, и до сих пор не упала. Вот ручей под бревенчатым настилом. Игорь наклонился, зачерпнул ладонью воду — ледяная, до ломоты в зубах. Та самая.

Но внутри уже работало что-то другое, помимо его воли. Пока он шёл, глаза сами оценивали местность не так, как когда-то в детстве. «Здесь можно укрыться. Отсюда дорога просматривается насквозь. Тут поставил бы дозор». Игорь поймал себя на этом и невесело усмехнулся. Война осталась далеко, за тысячи километров. А привычки — нет. Они теперь всегда будут при нём.

Под ровный шаг всплывали обрывки памяти. Лица — тех, кто погиб, кто выжил, кого он вытаскивал, кого не успел. Грохот. Чужое небо — слишком близкое и слишком звёздное. Последняя ночь перед отъездом, тёплая, и Марина в светлом платье на том самом мосту. Стоит и машет, пока автобус не скрылся из виду.

Он тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Но они не отставали, шли рядом, как на привязи.

На середине подъёма навстречу ему вышел старик с ведром — грибник, в старом плаще и кепке. Игорь сразу его узнал: дед Семён, сосед через две улицы. Постарел, высох, но всё равно узнаваем.

— Здорово, дед Семён, — сказал Игорь, остановившись.

Старик прищурился, всмотрелся и вдруг охнул, чуть не выронив ведро:

— Батюшки... Игорёк? Завьялов? Младший?

— Я.

— Живой... — старик шагнул было к нему, будто хотел обнять, но вдруг остановился. Глаза у него забегали, словно он что-то прикидывал, и радость на лице быстро сменилась тревогой. — Вернулся, значит...

— Вернулся. Домой иду. Как тут у вас?

— Да как... — дед отвёл взгляд, поправил ведро. — Живём помаленьку. — Помолчал, пожевал губами. — Ты вот что, Игорёк. Ты... — Он не договорил, махнул рукой. — Ладно. Пойду я. Грибы вон, того, испортятся.

И поспешил дальше, мимо, не оглядываясь, хотя секунду назад готов был его обнять.

Игорь смотрел ему вслед. Внутри неприятно шевельнулось. Первый укол тревоги. Что-то дома было не так. Так вернувшихся не встречают.

Он пошёл дальше. С гребня сопки открылся вид, которого он ждал всю дорогу.

Гранитный лежал в распадке как на ладони. И Игорь невольно остановился.

Город казался меньше. Бледнее. Словно из него вынули краски. И тише — куда тише, чем он помнил.

Игорь всмотрелся, и тревога усилилась. Он сразу отметил то, чего не хватало. Не было заводского гудка — а время как раз подходило к смене, он должен был орать на всю округу. Не было привычной суеты на окраине, где всегда что-то возили, грузили, спорили. Над карьером трубы дымили еле-еле, будто через силу.

Город словно затаился. Притих и чего-то ждал.

Сердце сжалось от недоброго предчувствия — того самого, фронтового, которое не раз спасало ему жизнь. Когда вокруг становится слишком тихо, жди беды.

Игорь поправил вещмешок, ещё немного постоял, глядя вниз, на серые крыши под пеленой пыли.

Потом начал спускаться к крайним домам. Под ногами захрустела щебёнка — та самая, родная. Он возвращался домой.

Только уже всем нутром чувствовал: вернулся он не в тот город, который когда-то оставил.

Глава 2. Город в дымке

Игорь вошёл в Гранитный с окраины, и первым его встретила пыль. Та самая — каменная, мелкая, вьедливая. Она висела над городом серой мутью, оседала на заборах, на пожухлой листве, на белье, которое сушилось во дворах. Будто весь город припорошило пеплом. Игорь поднял воротник куртки до лица и прищурился. Вкус пыли на губах был знаком ему с детства, но теперь почему-то казался чужим.

Он шёл к центру и невольно отмечал всё, что умерло на его глазах, хотя сам он этого не видел. Бывший магазин стоял с фанерой вместо стёкол. Парикмахерская, куда его когда-то водила мать, была заколочена. Автобусная остановка пустовала, лавку на ней выбили. Всё, что раньше жило, шумело, работало, теперь стояло глухое и мёртвое.

Людей на улицах было мало. И смотрели они странно — быстро, искоса, и сразу отводили глаза. Навстречу попалась баба Глаша, та самая, что всю жизнь торговала семечками у клуба. Игорь узнал её и кивнул:

— Здравствуйте.

Она взглянула на него, поджала губы и прошла мимо, даже шаг ускорила. Будто не услышала.

По спине у Игоря пробежал холодок. Знакомое чувство. Так смотрят в местах, где люди напуганы и не знают, чего ждать.

На одном из перекрёстков он остановился. Здесь дорога вдруг стала ровной, гладкой, недавно уложенной. Чистый забор, новые ворота, под навесом во дворе — дорогая иномарка. Этот кусок благополучия среди общей разрухи бросался в глаза сильнее, чем всё остальное.

«Понятно», — подумал Игорь и пошёл дальше.

На месте старого продмага теперь был новый магазин — яркая вывеска, тонированные окна. У входа курили двое парней в кожанках — крепкие, довольные жизнью. Они проводили Игоря тяжёлым, оценивающим взглядом, как будто прикидывали, кто он такой и зачем здесь. Он прошёл мимо, не замедляя шага и не глядя в сторону, но всё равно отметил их: лица, рост, манеру стоять.

— Смотри, новенький, — негромко сказали у него за спиной.

— Да какой-то приезжий. С мешком.

Игорь не обернулся.

Он вышел на центральную площадь. Здесь стоял бетонный камнерез — символ города, прежняя гордость. Игорь помнил, как возле него фотографировались на выпускном. Теперь памятник облез, у него была отбита рука, а у постамента валялись пустые бутылки. Город, похоже, и сам уже не помнил, чем когда-то гордился.

Из открытого окна донеслась музыка — та самая песня, которая играла у них на выпускном. На миг Игоря накрыло воспоминание: смех, жара в актовом зале, Марина в светлом платье. Но песня резко оборвалась, и вместо неё зазвучал голос диктора:

— ...в районе сохраняется сложная обстановка...

И всё сразу исчезло.

У водяной колонки стояли две женщины с ведрами и тихо переговаривались. Проходя мимо, Игорь поневоле услышал несколько фраз.

— ...опять забрали, говорят. Ночью.

— Тише ты. Молчи лучше.

— А у Завьяловых совсем беда, слышала? Виктора-то...

Игорь застыл. Родная фамилия ударила, как кулаком в грудь. Он повернул голову. Женщины сразу замолчали, заметив его, поджали губы и склонились над ведрами, загремев цинком.

— Простите, — Игорь шагнул к ним. — Вы сейчас про Завьяловых говорили? Что случилось?

Та, что постарше, посмотрела на него внимательно, с настороженностью.

— Ничего, сынок. Не наше это дело. И не твоё. Иди своей дорогой.

Они подхватили вёдра и быстро ушли, расплёскивая воду на пыльную землю. Игорь смотрел им вслед и чувствовал, как внутри всё сильнее натягивается.

В просвете между домами был виден карьер и завод. Игорь остановился и всмотрелся. Трубы почти не дымили. Техника стояла. По территории двигались редкие люди — вяло, без жизни. Предприятие, вокруг которого когда-то вырос весь город, теперь работало через силу, будто доживало последние дни.

Игорь стоял и смотрел, и картина складывалась всё яснее. Плохо было не одной семье. Плохо было всему городу. От завода до водяной колонки, от заколоченного магазина до новой машины за свежим забором.

Он свернул на свою улицу. Ноги сами вели его — помнили каждую яму, каждый поворот. Но всё вокруг казалось меньше, беднее и хуже, чем сохранилось в памяти. Заборы покосились, крыши сараев просели. Будто время здесь шло не вперёд, а вниз.

У знакомой калитки он остановился.

Дерево было всё то же — серое, щербатое, с облупившейся краской. Игорь положил ладонь на калитку и постоял, переводя дыхание. Сердце билось сильнее, чем бывало перед боевым выходом.

За этим забором были мать, брат, дом. Всё, что он оставил когда-то.

И ещё — что-то другое. То, о чём в городе говорили шёпотом и при чужих замолкали. То, что ощущалось в воздухе сильнее, чем каменная пыль.

Игорь толкнул калитку.

Глава 3. Дом

Калитка скрипнула точно так же, как в детстве, — тонко, протяжно, словно живая. Игорь вошёл во двор и остановился.

Двор показался ему меньше, чем он помнил. Сарай перекосялся, бочка под водостоком прохудилась, грядки заросли лебедой почти по пояс. Между столбами на верёвке сушилось застиранное бельё — простыни, пара рубаш, всё серое от жёсткой воды. Вроде бы всё знакомое, а в то же время — будто уже не своё.

Сердце билось тяжело и гулко.

В кухонном окне мелькнуло бледное лицо. Мать. Игорь увидел, как она замерла, прижав ладонь ко рту, как отшатнулась назад, не веря своим глазам. Потом лицо исчезло, и за дверью послышались торопливые, сбивчивые шаги.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Антонина Павловна. Игорь не сразу её узнал. Мать сильно сдала: высохла, ссутулилась, вся поседела. На плечах старый платок, лицо осунулось, и на нём лежала та особая серость, которую он не раз видел в госпиталях, — след болезни. Она держалась за косяк, будто без опоры не устоит.

— Игорёша... — едва слышно выговорила она.

— Я, мам.

Она качнулась к нему, и он сразу шагнул навстречу, подхватил её. Мать прижалась к нему, и он почувствовал, какая она стала лёгкая и хрупкая — будто сломается, если обнять чуть крепче. Она плакала, гладила его по спине, по плечам, по затылку, словно всё ещё не могла поверить, что он и правда здесь.

— Живой... приехал... — повторяла она сквозь слёзы. — А я уж и не надеялась.

— Тише, мам. Всё, я приехал. Я дома.

Он стоял, боясь сжать её сильнее, и сам с трудом проглатывал ком в горле. Запах родного дома — печка, хлеб, лекарства — ударил по памяти сильнее любых слов.

— Да что ж мы на пороге стоим, заходи скорее, — спохватилась мать, вытирая глаза краем платка. — Холодно же. Заходи.

Они вошли в дом.

Игорь оглядел комнату. Всё вроде бы было на своих местах: тот же половик у двери, та же иконка в углу, старые выцветшие фотографии на стене — он мальчишкой, Виктор в армии, мать с отчимом ещё молодые. Но всё как-то поплёкло, обветшало, пропахло валерьянкой и мазями. На столе рядом с хлебницей стояли пузырьки, упаковки таблеток, мятые рецепты. Дом будто болел вместе с хозяйкой.

— Садись, садись. Сейчас чайник поставлю. Голодный с дороги, наверное.

Мать засуетилась, заходила от печи к столу, не зная, за что хвататься. То брала его за руку, то отпускала, то искала чашки, то роняла ложку и поднимала её.

— Да не суетись ты, мам. Сядь лучше рядом.

— Сейчас, сейчас... Погоди. Вот хлеб свежий...

Она поставила перед ним тарелку. Радость в её глазах была настоящая, живая. Но за ней Игорь сразу увидел другое — тревогу, которую она пыталась спрятать за хлопотами и поспешной улыбкой.

Он ещё раз посмотрел на стол и вдруг заметил пустой стул у окна. На сиденье лежали сложенная газета и старые очки в погнутой оправе. Стул отчима.

— Мам... а где?.. — Он не договорил.

Антонина Павловна замерла с чашкой в руке и отвернулась к печи.

— Нет больше Степана Игнатьича, сынок, — тихо сказала она. — Прошлой зимой умер. Сердце. Слёг и уже не поднялся.

В доме повисла тяжёлая тишина. Игорь смотрел на пустой стул, на очки, и чувствовал, как внутри всё сжимается. Отчим вырастил его, заменил ему отца. И не дождался.

— Похоронили рядом с дедом, — добавила мать. — Сходим потом. Там прибрано.

— Сходим, — машинально повторил Игорь.

Помолчав, он спросил осторожно:

— Как вы тут живёте? На карьере что? Виктор на смене?

— На смене, на смене. К вечеру придёт. — Мать подвинула к нему сахарницу. — Живём... как все. Ты ешь.

— А работа есть? Платят?

— Платят понемногу. — Она опустила глаза и стала разглаживать складку на скатерти. — Ты ешь, а то остынет.

— Мам.

— Что?

— Я же вижу. Я уже не мальчишка.

Антонина Павловна на секунду подняла на него глаза и сразу отвела. Каждый раз, когда разговор подбирался к чему-то важному, она будто закрывалась и переводила всё на еду, дорогу, пустяки.

— Долго добирался? — спросила она. — Говорят, автобус теперь только до моста идёт.

— До моста. Дальше пешком.

— Намучился, наверное.

— Привык.

Игорь не стал её прижимать. Он уже понял: от него что-то скрывают. Не хотят говорить правду.

Пока мать гремела чашками и складывала их в эмалированный таз, он ещё раз внимательно оглядел дом — уже другим взглядом. И заметил то, чего раньше здесь никогда не было.

На входной двери стоял новый тяжёлый засов, приделанный поверх старого замка. Окошко в сенях было заколочено доской изнутри. А у самой двери, так, чтобы можно было сразу схватить, стоял топор. Не тот, что для дров — тот всегда лежал во дворе у поленницы. Этот был лёгкий, плотницкий, хорошо наточенный.

Тихий родительский дом теперь выглядел настороженным, как зверь, забившийся в нору. И от этого Игорю стало не по себе.

— Мам, — негромко сказал он. — Зачем такой засов? И окно зачем заколотили?

Антонина Павловна замерла у таза. Спина у неё сразу напряглась.

— Так... — она помолчала, подбирая слова. — Балуются по ночам. Лезут всякие. Время сейчас такое. Виктор поставил, чтобы поспокойнее было.

— Кто лезет?

— Да мало ли кто. — Она снова отвернулась. — Не бери в голову. Пей чай.

Игорь сел напротив. Смотрел, как мать наконец опустилась на табурет, как взяла чашку обеими руками, будто хотела согреться, и заметил, что руки у неё дрожат — мелко, без остановки.

И тогда он всё понял.

Его ждали не только как сына, который вернулся домой. Его ждали ещё и потому, что в доме случилась беда. Большая беда, о которой здесь боятся говорить вслух — даже ему, даже за столом.

И сделать вид, что он ничего не заметил, развернуться и снова уйти, Игорь уже не сможет. Что бы ни скрывалось за этим новым засовом и заколоченным окном.

— Мам, — тихо сказал он и накрыл её холодную дрожащую руку своей. — Я теперь дома. Слышишь? Дома.

Антонина Павловна подняла на него глаза, полные слёз, и ничего не сказала.

Глава 4. Брат

К вечеру за окном послышался рокот старого мотора. Хлопнула дверца. Мать вздрогнула, быстро вытерла руки о фартук и кинулась к окну.

— Витя приехал, — выдохнула она, и в её голосе Игорь услышал не только радость, но и что-то ещё, чего пока не мог понять.

Игорь встал из-за стола. Сердце забилося быстрее. Брата он не видел семь лет — с того самого дня, как ушёл к военкомату.

Дверь открылась, и в дом вошёл Виктор — тяжело, медленно, в запылённой рабочей куртке, пропахшей железом и каменной пылью. Он остановился на пороге, увидел Игоря и замер. На обветренном, осунувшемся лице что-то дрогнуло, привычная хмурость на миг исчезла.

— Игорёк... — хрипло сказал он. — Живой, чертяка.

— Живой, Вить.

Они шагнули друг к другу и обнялись. Игорь хлопнул брата по спине, прижал к себе — и сразу почувствовал, что что-то не так. Объятие получилось неловким, скованным. Виктор обнимал его только одной рукой, а вторую держал в стороне, будто берег.

Игорь отстранился и посмотрел вниз. Правая кисть у брата была в подсохших ссадинах, два пальца перемотаны грязной тряпкой, костяшки сбиты до крови.

— Это что? — спросил Игорь, кивнув на руку.

— Да ерунда. — Виктор быстро сунул руку в карман. — На работе. Железкой зацепило, когда разгружали.

Игорь ничего не сказал. Он видел достаточно ран, чтобы понимать: не железо это. Так сбивают кулак о чужое лицо.

— Садитесь, садитесь, — засуетилась мать. — Сейчас картошку принесу. Витя с дороги, голодный, наверное.

Они сели за стол. Игорь смотрел на брата и с трудом узнавал в нём прежнего Виктора. Тот раньше смеялся громче всех, лез первым в любую компанию, жил шумно и широко. Этот сидел сгорбившись, двигался резко, будто всё время был настороже. То и дело поглядывал на тёмное окно, прислушивался к улице, замолкал на полуслове.

— Ну, рассказывай, как тут у вас, — начал Игорь. — На карьере что? Бригада твоя на месте?

— Работаем, — коротко ответил Виктор, ковыряя вилкой картошку.

— Платят?

— По-разному.

— А директор кто теперь? Семёныч ещё держится?

Виктор посмотрел на него исподлобья и немного помолчал.

— Всё поменялось, Игорёк. Ты лучше о себе расскажи. Вон каким стал. В плечах раздался. — Он попытался усмехнуться. — Где тебя семь лет носило?

Игорь понял, что брат уходит от разговора. На каждый прямой вопрос — глухая стена. Виктор ловко переводил разговор на него самого, на дорогу, на что угодно.

— Где только не носило, — сказал Игорь. — Потом расскажу. Ты лучше про дом скажи. Мать совсем сдала. Лечить надо.

При этих словах Виктор сразу помрачнел. Опустил вилку и устался в стол.

— Надо, — глухо ответил он. — Нормальные врачи денег стоят. В область везти надо. А где их взять? Зарплату режут, задерживают. То аванс не дадут, то ещё что-нибудь вычтут. — Он сжал здоровую руку в кулак. — Я же тут остался... Я же старший. Должен был и за мать, и за всё. А толку?

В его голосе прозвучала тяжёлая, старая вина — вина человека, который остался дома, но не смог ничего удержать.

— Не грызи себя, — тихо сказал Игорь. — Теперь вдвоём будем тянуть.

Мать, почувствовав, что разговор уходит в тяжёлую сторону, сразу заторопилась:

— Да вы ешьте, ешьте. Вить, ты же бутылку привёз? Отметьте встречу.

Виктор молча достал из сумки бутылку и поставил на стол. Разлили по стопкам, чокнулись.

— За возвращение, — сказал Виктор.

Выпили. Игорь начал рассказывать что-то лёгкое о службе — про учения, про смешного старшину, обходя стороной всё, что потом приходило к нему по ночам. Виктор слушал, кивал, но было видно: думает он о другом. То смотрел на окно, то крутил в пальцах пустую стопку.

После второй рюмки его немного отпустило. Он криво усмехнулся и снова разлил.

— Эх, Игорёк... Жизнь тут теперь такая... — Он понизил голос и наклонился ближе. — Тут теперь шагу не ступишь, чтобы в чужой карман не влезть. Поживёшь — сам поймёшь.

Игорь замер со стопкой в руке.

— В чей карман, Вить?

Виктор будто сразу спохватился. Понял, что сказал лишнее. Лицо у него снова стало закрытым, жёстким.

— Да это я так. К слову. — Он залпом выпил и отвернулся. — Не бери в голову.

— Вить.

— Давай спать. Поздно уже. — Виктор встал и отодвинул табурет. — Мне завтра рано на смену.

Он ушёл к себе. Мать молча убрала со стола и погасила свет.

Игорь лёг, закинул руки за голову и долго смотрел в тёмный потолок. Сон не шёл. В голове крутились одно за другим: разбитая рука брата, его настороженные взгляды на окно, эта оговорка про чужой карман. Новый засов на двери. Заколоченное окно. Топор у входа.

Всё складывалось в одну картину. И картина выходила плохая.

Его ждали дома не только потому, что он вернулся. Его ждали как последнюю надежду.

«Ладно, — подумал Игорь, закрывая глаза. — Разберёмся. Куда я денусь».

Глава 5. Кружка чая

Игорь проснулся от крика петуха и звона посуды на кухне. Сквозь занавеску пробивался серый, пыльный свет. Он полежал ещё немного, привыкая к мысли, что вернулся домой, что лежит на своей кровати, а за стеной — мать. В доме пахло печёным хлебом и разваренной картошкой. Запах детства.

Он встал, оделся и вышел на кухню.

К завтраку собрались все. Мать хлопотала у печи. За столом сидел Виктор — хмурый, с кружкой в здоровой руке. Рядом была женщина, которую Игорь раньше не видел: усталая, но всё ещё красивая, с тёмными, добрыми и в то же время настороженными глазами. Оксана.

— Доброе утро, — сказал Игорь.

— Проснулся, — Оксана поднялась и вытерла руки о фартук. — Я тебя ещё вчера хотела рассмотреть, да ты уже спал. Здравствуй, Игорь. Я Оксана, жена Виктора.

— Знаю. Виктор когда-то писал. — Игорь пожал ей руку. — Рад познакомиться.

— Садись, садись, — засуетилась мать. — Сейчас чай налью.

Все сели за стол. На нём стояли хлеб, варёная картошка, банка солений и большой эмалированный чайник со сколотой эмалью. С виду — самое обычное семейное утро. Но в доме чувствовалось напряжение, будто перед грозой.

Игорь намазал хлеб маслом, откусил и спокойно сказал:

— Я вчера по городу прошёлся. Честно говоря, не узнал его. Магазин заколочен. Парикмахерская закрыта. У нового магазина какие-то парни стоят, курят, на всех смотрят. Над заводом тишина. Гудка нет. Я думал, к смене завоет, как раньше, а там пусто.

За столом сразу стало тихо. Виктор перестал жевать и уставился в кружку. Мать опустила глаза и стала разглаживать на коленях край фартука. Оксана крепче сжала кружку, так что побелели пальцы.

Будто он задел что-то больное.

— Что замолчали? — Игорь посмотрел на всех по очереди. — Я ведь не чужой.

— Да что тут рассказывать, — пробормотал Виктор. — Живём как живём. Время такое.

Игорь сразу заметил, как они говорят. Обрывками, намёками, вполголоса. «Время такое», «сам понимаешь», «известно кто». Никто ничего не называл прямо. Будто за одно лишнее слово можно поплатиться. Так люди начинают говорить там, где давно живут в страхе.

Мать взяла чайник и стала разливать чай. Игорь снова заметил, как дрожат у неё руки. Носик чайника подрагивал, кипяток лился мимо, горячие капли падали на клеёнку и расплывались тёмными пятнами.

— Дай, мам. — Он мягко забрал у неё чайник и сам налил чай — себе, Виктору, Оксане. Потом поставил полную кружку перед матерью и накрыл её холодную дрожащую руку своей. Она замерла и не убрала ладонь.

Эта простая сцена сказала ему больше, чем любые слова. Про страх. Про усталость. Про привычку молчать и терпеть.

— Оксана, ты ведь в больнице работаешь? — спросил Игорь, повернувшись к невестке.

— Фельдшером, — кивнула она. — Уже двадцать лет.

— Тяжело сейчас?

Оксана помолчала, посмотрела на мужа, потом снова на Игоря.

— Тяжело. Лекарств почти нет. Оборудование разваливается, а чинить некому и не на что. — Говорила она скупно, осторожно, будто взвешивала каждое слово. — А работы хватает. Везут всякое.

— Что значит всякое?

— Побитых привозят. — Она опустила глаза. — Всё чаще молодых. То подерутся, то... Бывает, совсем тяжёлых везут. Парни травятся всякой дрянью. Раньше такого не было, а теперь чуть не каждую неделю кто-нибудь.

— Чем травятся?

— Сам понимаешь, чем, — тихо вставил Виктор и снова замолчал.

Игорь заметил, как Виктор и Оксана переглянулись — быстро, тревожно. Будто без слов решали, что можно сказать, а что нет. Между ними был общий страх и какая-то общая тайна. Игорь понял, что брат старается защитить не только мать, но и жену, и весь дом — даже от его собственных вопросов.

У Игоря так и вертелся на языке главный вопрос: «Кто вас тут всех держит в страхе?» Он чувствовал, что за столом этого вопроса ждут и одновременно боятся. Что каждый здесь скорее промолчит, чем скажет лишнее. То, о чём раньше говорили прямо, теперь стало запретным.

Он уже открыл рот, чтобы всё-таки спросить, но в этот момент с улицы донёсся ровный гул мотора.

По улице медленно ехала дорогая чёрная машина с тонированными стёклами. Она поравнялась с домом, притормозила, несколько секунд постояла у калитки, будто присматриваясь, и только потом поехала дальше.

За столом всё замерло.

Виктор побледнел, у него свело скулы. Оксана быстро перекрестилась под столом. Мать приподнялась, дрожащей рукой дотянулась до занавески и задёрнула её плотнее, отгораживаясь от окна.

Игорь не шелохнулся. Только проводил машину взглядом, машинально отметив про себя всё: и номера, и силуэт, и манеру двигаться.

Когда шум мотора затих в конце улицы, в доме ещё долго стояла тишина.

— Кто это был? — тихо спросил Игорь.

Никто не ответил. Мать снова села и взяла кружку обеими руками.

Игорь всё понял и больше не стал спрашивать. Теперь и так было ясно: в родном доме люди разучились говорить правду вслух. И этот страх, из-за которого крестятся украдкой и среди бела дня занавешивают окна, пришёл не сам по себе. Его принёс кто-то. Кто-то, кто ездит по улице в чёрной машине с тонированными стёклами.

Игорь молча допил остывший чай.

«Ничего, — подумал он, глядя на дрожащие руки матери, на сжатые губы брата, на испуганное лицо Оксаны. — Я верну вам право говорить вслух. Чего бы это ни стоило».

А вслух сказал только:

— Спасибо, мам. Очень вкусно.

И встал из-за стола.

Глава 6. Где Марина

Утром Игорь помогал матери во дворе: поправлял завалившийся столб у грядки, заново натягивал бельевую верёвку. Антонина Павловна возилась рядом, протирала снаружи подоконник. Работали молча, по-домашнему, и в этой тишине Игорь наконец решился спросить о том, о чём думал со вчерашнего дня.

— Мам, — сказал он, не отрываясь от работы. — А Марина Соловьёва как? Ну, с нашей улицы. Жива? Замужем?

Мать замерла с тряпкой в руке. Помолчала. Потом отвернулась и снова принялась тереть подоконник, хотя тот и так уже блестел.

— Не надо бы тебе, сынок, прошлое ворошить, — тихо сказала она. — Что было, то прошло. Нам и своих забот хватает.

— Я не ворошу. Я спрашиваю.

— Не знаю я про неё, — резко ответила Антонина Павловна.

Но по тому, как дрогнул у неё голос, Игорь сразу понял: знает. И это короткое молчание сказало ему больше, чем любой прямой ответ. За материнской уклончивостью стояла чужая беда.

Он вытер руки, накинул куртку.

— Пройдусь, мам.

Она ничего не сказала, только посмотрела ему вслед с тревогой.

Игорь пошёл на другой конец города — к дому, который помнил до мелочей, до каждой доски в заборе. Ноги сами вели знакомой дорогой: мимо школы с облупленным крыльцом, мимо колонки, мимо палисадника, где он когда-то ждал Марину после уроков. С каждым шагом в груди поднималось что-то тёплое и тревожное одновременно.

Дом Соловьёвых он узнал сразу — и в то же время не узнал. Забор перекосялся, штатетник местами выпал. Одно окно было выбито и заткнуто тряпьем с картонкой. Во дворе по пояс стоял бурьян, тропинка к крыльцу почти исчезла. Дом смотрел на улицу пусто и слепо — нежилой, брошенный.

Игорь остановился у калитки. Постучать он почему-то не решился. Внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия.

Из-за соседнего плетня показалась грузная пожилая женщина с тляпкой в руках. Прищурилась, всмотрелась и вдруг охнула, прижав ладонь к груди.

— Господи... Игорь? Завьялов младший? Вернулся?

— Вернулся, тётъ Зин. — Он узнал соседку. — Здравствуйте.

— Живой, слава богу. — Она тут же насторожилась, оглянулась по сторонам и заговорила тише. — А ты чего тут стоишь?

— Марину ищу. Она дома?

Лицо у женщины сразу изменилось — стало и жалостливым, и закрытым.

— Ох, сынок... — Она покачала головой и отвела глаза. — Лучше бы тебе её не искать.

— Почему?

— Лучше не надо, — повторила она, поджав губы. — Нет её здесь давно. Сам видишь, дом пустой.

— Где она, тётъ Зин? — Игорь шагнул ближе. — Скажите прямо.

Соседка только покачала головой. В её жалости было что-то тяжёлое, стыдное и страшное — то, о чём она не хотела или боялась говорить.

— Не моё это дело, Игорёша. И ты не спрашивай. Уходи отсюда, парень. Не то сейчас место и, не то время. — Она вдруг заторопилась, попятилась к своему крыльцу, торопливо перекрестилась. — Прости. Ничего я не знаю.

И захлопнула за собой дверь. Щёлкнул крючок.

Игорь остался один посреди заросшего двора, в звенящей тишине. Эта захлопнувшаяся дверь сказала ему больше любых слов.

Он подошёл к окну дома Соловьёвых — к тому, что не было забито, — и заглянул внутрь через грязное стекло.

В доме царил разгром. Перевернутый стул. По полу разбросаны пустые бутылки — много, целая россыпь. Грязные тряпки, осколки посуды. Стол, заваленный мусором и хламом. А на подоконнике, под толстым слоем пыли, стояла знакомая фарфоровая балеринка — та самая, которой Марина когда-то так гордилась и показывала ему ещё девчонкой. Теперь фигурка смотрела на него мёртвым пыльным взглядом.

Игорь отошёл от окна. На душе стало тяжело.

На обратном пути, уже у самого поворота, он увидел знакомое лицо — Кольку Гущина, с которым когда-то гоняли мяч на пустыре. Только это был уже не тот Колька, а опустившийся, опухший мужик с дрожащими руками и в драной куртке. Он сидел на корточках у забора и тянул окурок.

— Колян? — остановился Игорь.

Тот поднял мутные глаза, всмотрелся.

— О-о... Завьял. Игорёк. — Он криво усмехнулся, показав гнилые зубы. — Вернулся, значит. А я думал, врут.

— Вернулся. — Игорь присел рядом. — Слушай, Колян. Марину Соловьёву помнишь? Где она? Никто ничего толком не говорит.

Гущин сразу засуетился, забегал глазами, облизнул губы.

— Марину... Маринку... — Он закашлялся. — Закурить есть нормальное? А то этот бычок уже...

Игорь молча достал пачку и протянул ему. Гущин жадно вытащил сразу две сигареты, одну сунул за ухо.

— Маринка-то... — Он понизил голос, наклонился ближе, пахнул перегаром. — Маринка теперь... того. По рукам пошла, Игорёк. Не та уже. На игле сидит, понял? Совсем скатилась. — Он сплюнул. — Ищи её у старого клуба. Там они все теперь трутся, конченные. Если жива ещё.

Каждое слово било как пощёчина. Игорь поднялся и молча сунул Гущину всю пачку.

— Спасибо, Колян.

— Да не лез бы ты туда! — крикнул тот ему вслед. — Пропадёшь!

Игорь шёл по улице, и кулаки сами собой сжимались. Внутри поднималась тяжёлая, тёмная злость. Светлый образ из памяти — Марина в платье, машет ему с моста — никак не вязался с этими грязными словами. Он отталкивал от себя самое страшное, но уже понимал: девушка, которую он когда-то любил, попала в ту же беду, что душила весь город. Её затянуло в ту же воронку.

Он остановился посреди пустой улицы и несколько секунд просто стоял, переводя дыхание.

Решение пришло сразу — твёрдое, без колебаний. Он найдёт её. Какой бы она ни стала. Не будет судить, не станет спрашивать, как всё до этого дошло. Просто вытащит.

Игорь развернулся и пошёл к окраине, туда, где среди пустырей доживал свой век старый Дом культуры. Прошлое звало его на тот край города. И он шёл ему навстречу, уже догадываясь, что увидит, и всё равно не сворачивал.

Глава 7. Тень на скамейке

Дорога к старому Дому культуры заросла травой. Фонари вдоль неё давно не горели: где-то остались только голые столбы, а где-то не было уже и их. В воздухе стояла сырая, глухая тоска запустения, словно сюда уже много лет никто не заходил.

Игорь шёл и с каждым шагом всё яснее узнавал это место. Когда-то они бегали сюда мальчишками в кино, по субботам здесь были танцы, здесь он впервые взял Марину за руку. А теперь впереди темнело мёртвое здание с пустыми проёмами выбитых окон. От нехорошего предчувствия у него сжалось сердце.

Дом культуры был мёртв. Облупленный фасад, осыпавшаяся лепнина, сорванная вывеска — на бетоне остались только следы от букв. Колонны у входа были исписаны матерщиной, под ногами хрустело битое стекло, валялись шприцы. То, что когда-то было гордостью города, превратилось в притон и свалку.

Игорь медленно обошёл здание, внимательно оглядывая всё вокруг.

В тени у глухой стены, на перекошенной скамейке, он заметил сторбленную женскую фигуру. Она сидела неподвижно, обхватив руками колени, в драной куртке, накинутой на плечи. Что-то в наклоне головы, в очертании плеч заставило его замедлить шаг и затаить дыхание.

Он подошёл ближе.

Марина.

От той красавицы, которую он помнил, почти ничего не осталось. Щёки ввалились, кожа стала серой, болезненной. Волосы спутались, давно не мытые. Худые руки мелко дрожали даже в покое. Игорь остановился, не в силах сразу заговорить. В горле встал тяжёлый ком.

Марина медленно подняла голову.

Её взгляд был пустым, блуждающим, ни на чём не задерживался. Зрачки расширены, глаза мутные, безжизненные. Она смотрела сквозь Игоря, будто не видела его, будто весь мир для неё стал далёким и расплывчатым. От этого взгляда ему стало холодно внутри сильнее, чем от любой увиденной раны.

Игорь осторожно присел перед ней на корточки.

— Марина, — тихо позвал он. Голос дрогнул, и он сам себя не узнал. — Марина, это я.

Она вздрогнула. В её мутных глазах на секунду мелькнуло что-то живое — то ли узнавание, то ли слабый отголосок прошлого, — и тут же исчезло.

— Марин. Посмотри на меня. Это Игорь. Завьялов.

Её губы шевельнулись. С трудом, будто забыв, как говорить, она прошептала:

— Игорёк?..

Она словно вытаскивала это имя из самой глубины памяти. На разбитых губах появилась кривая, жалкая улыбка. И на одно мгновение в её измученном лице проступило что-то от той девушки, которая когда-то махала ему с моста, — той самой, которую он помнил все эти семь лет.

— Я, Марин. Я вернулся.

— Вернулся... — повторила она, и улыбка тут же расплылась. — А я... я тут. Давно уже тут.

Игорь посмотрел на её руки — и сжал зубы. Рукава куртки сползли, открыв запястья. Кожа была вся в синяках, бледная до синевы. На сгибах локтей — следы уколов, и старые, и совсем свежие. На скуле расплывался жёлтый синяк, оставленный чужой рукой. Рядом на скамейке лежали пустой пузырьёк и смятая пачка сигарет.

Всё сразу стало ясно. Та самая правда, от которой он всю дорогу пытался отмахнуться, встала перед ним во весь рост.

— Пойдём отсюда, Марин, — мягко сказал он. — Здесь холодно.

— Куда?.. — Она мотнула головой и отстранилась. — Мне нельзя... Они придут... Мне ждать надо.

— Кого ждать?

Она не ответила. Только ещё сильнее сжалась.

В этот момент из-за угла клуба вышли двое — те самые наглые парни, которых Игорь уже видел у магазина. Кожаные куртки, сытые морды, уверенные движения. Один сразу заметил его и сбавил шаг.

— О, смотри-ка. К нашей Маринке кавалер появился, — протянул он с ухмылкой. Потом окликнул её по кличке, как будто она была вещью: — Эй, Колотая, ты чего расселась? А это кто с тобой?

Второй лениво кивнул Игорю:

— Слышь, мужик. Иди отсюда. Тут всё занято. Не твоё дело.

В их голосах была привычная уверенность людей, которые давно привыкли, что им никто не перечит. Что любой отведёт глаза, отступит и уйдёт.

Игорь медленно выпрямился. Встал так, чтобы закрыть Марину собой, — спокойно, без резких движений, не сводя глаз с этих двоих. Он молчал. Просто смотрел.

Парни переглянулись. Что-то в его взгляде, в том, как он стоял — вроде бы спокойно, но тяжело и уверенно, — заставило их насторожиться. Сопrotивление было им непривычно. Они привыкли, что пары слов хватает, чтобы люди съёжились и отошли.

— Ты глухой? — начал первый, но уже без прежней наглости. — Тебе сказали...— Она уйдёт со мной, — ровно сказал Игорь. — А вы идите своей дорогой.

Это не прозвучало ни как угроза, ни как вызов. Просто как что-то уже решённое.

Парни замялись. Один сплюнул себе под ноги, второй дёрнул его за рукав — мол, не сейчас. Чужак был незнакомый, непонятный, а лезть в драку вслепую они, видно, не любили.

— Ну смотри, — бросил первый, отступая. — Герой, значит. Город маленький. Ещё увидимся.

Они ушли за угол, всё ещё оглядываясь.

Игорь снова наклонился к Марине и осторожно взял её под руку.

— Вставай, Марин. Пойдём. Я отведу тебя домой.

— У меня нет дома, — еле слышно сказала она.

— Есть. Теперь есть. Поднимайся.

Она встала тяжело, повисая на его руке, лёгкая и сломанная, как птица с перебитым крылом. Игорь медленно повёл её прочь от мёртвого клуба, поддерживая на каждом шагу.

И пока они шли, он ясно понимал всем своим существом: только что он без слов объявил войну тем, кто довёл её до этого состояния. И отступать уже было поздно.

Впрочем, он и не собирался.

Глава 8. Карьер

Дорогу к карьере разбили тяжёлые самосвалы: сплошные колеи, ямы по щиколотку, обочины завалены щебнем и битым кирпичом. Игорь шёл настороженно, собранно — как идут по чужой территории, где в любой момент может случиться что-то плохое.

У ворот он остановился и огляделся.

Половина техники стояла без движения. Краны замерли с опущенными стрелами. Конвейер полз еле-еле, будто через силу. Цеха, которые раньше должны были грохотать и жить, теперь едва шевелились. Завод, кормивший весь город, напоминал тяжело больного, из которого медленно вытягивают последние силы.

Пройдя через проходную, Игорь стал узнавать знакомые лица. Вон Петрович, с которым когда-то работал в одной смене отчим. Вон братья Сёмины, с которыми они гоняли мяч на пустыре. Все постарели, осунулись, сгорбились. Кто-то сухо кивнул ему, кто-то отвёл глаза, будто не заметил.

— Здорово, мужики, — сказал Игорь, подходя к курилке, где двое рабочих курили дешёвые сигареты.

— Здорово, — буркнул один, не поднимая головы.

— Как тут у вас? Работа есть?

— Есть понемногу, — ответил второй, быстро взглянув на него искоса. — Ты сам-то зачем пришёл?

— Я свой. Завьялов. Брат Виктора.

— Знаем, чей. — Первый затоптал окурок и сразу заторопился. — Ладно, нам пора. Дел полно.

Они ушли, не оглядываясь. Игорь проводил их взглядом. Так ведут себя люди, которые боятся сказать лишнее. Страх здесь, похоже, вьелся в воздух не хуже каменной пыли.

Он пошёл дальше и стал замечать то, что выбивалось из привычной заводской жизни. Новый шлагбаум у въезда — свежеекрашенный, слишком аккуратный на фоне всей этой разрухи. Чужие охранники в одинаковых тёмных куртках. Дорогая иномарка у конторы. Эти люди держались так, будто были здесь хозяевами, а настоящие рабочие проходили мимо них как чужие на собственной земле.

В прокуренной будке Игорь подсел к пожилому слесарю в замасленной телогрейке. Достал пачку сигарет и протянул.

— Утощайтесь.

Старик посмотрел на него, повертел сигарету в пальцах, прикурил.

— Спасибо. — Затянулся, внимательно оглядел Игоря. — Ты ведь сын Антонины, младший. Вернулся, значит.

— Вернулся. Скажите, отец, почему завод еле живой? Раньше ведь весь гремел.

Слесарь помолчал, оглянулся через плечо — не стоит ли кто рядом.

— Гремел, — тихо сказал он. — А теперь зарплаты режут, смены сокращают. Половину людей вообще по домам разогнали. — Он понизил голос ещё сильнее. — А кто начинает возмущаться, тех быстро утихомиривают. Был у нас один такой, шумел, права качал... Потом в больнице полежал и сразу присмирел.

— Кто утихомиривает?

Старик не ответил. Только коротко кивнул в сторону конторы, возле которой стояла иномарка, и сразу замолчал, будто понял, что сказал лишнее. Снова затянулся и уставился в пол.

— Ты бы, парень, лучше шёл отсюда. Мало ли что.

Игорь не стал давить. Поднялся и кивнул:

— Спасибо.

Проходя мимо склада, он заметил мужчину с перебинтованной головой и подвязанной рукой. Тот неловко возился у штабеля ящиков, морщась от боли.

— Помочь? — спросил Игорь, придерживая ящик, который начал съезжать.

— Сам справлюсь. — Мужик посмотрел на него настороженно.

— Что с рукой?

— Оступился. Неудачно упал. — Он криво усмехнулся и отвернулся.

Игорь ничего не сказал. Он хорошо знал, как выглядят разные травмы. Так не падают. Этого человека били. Били умело и расчётливо — так, чтобы надолго запомнил. Похоже, завод стал местом, где молча ломают тех, кто не хочет сгибаться.

Потом он нашёл участок, где работала бригада брата. Виктор стоял у транспортёра и что-то объяснял рабочим. Но и тут всё было не так, как должно быть. Люди работали молча, угрюмо, без обычных шуток, без переключки, без привычной ругани. Только лязг металла и тяжёлый шум моторов. На лицах — та же задавленная злость, которую Игорь уже видел у Виктора дома. Эти люди держались из последних сил. Достаточно было одной искры, чтобы всё внутри у них вспыхнуло.

Виктор заметил брата, нахмурился и едва заметно мотнул головой: мол, не место тебе здесь. Игорь не подошёл, только кивнул издали и пошёл обратно к воротам.

— Эй! — резко окликнули его сзади.

Игорь обернулся. К нему быстрым шагом шёл один из охранников в тёмной куртке — крепкий, с цепким и наглым взглядом.

— Ты кто такой? Чего тут шастаешь, вынюхиваешь?

— По заводу прошёлся. К брату заходил.

— Здесь тебе не проходной двор. — Охранник подошёл почти вплотную, стараясь давить и голосом, и ростом. — Давай на выход. И чтобы я тебя здесь больше не видел.

Говорил он тоном человека, который давно привык чувствовать себя хозяином и не сомневаться, что ему подчинятся.

Игорь спорить не стал. Спокойно развернулся и пошёл к воротам. Но по пути успел внимательно рассмотреть охранника: лицо, рост, осанку, манеру двигаться, то, как тот держит руки. Всё это он машинально отметил и запомнил — как когда-то запоминал чужих на посту.

— Иди давай, — донеслось ему вслед.

Уже за воротами Игорь остановился и ещё раз посмотрел на серую громаду карьера. На замершие краны. На слабый дымок над трубами. На чужую иномарку у конторы.

Теперь всё становилось понятнее. Болезнь, которая душила город, шла отсюда — с этого предприятия, которое кто-то прибрал к рукам и теперь медленно выжимал досуха. И над всем этим висел страх.

Игорь понял: если бить, то бить придётся в самый корень. В того, кто стоит за этой машиной, за этими охранниками, за перебитой рукой рабочего у склада. В того, чьё имя весь город боится произносить вслух.

Он сунул руки в карманы и пошёл прочь от завода.

Картина наконец складывалась. И ничего хорошего в ней не было.

Глава 9. «Хозяева»

На следующее утро Игорь снова пришёл к заводу. Но теперь не затем, чтобы увидеть брата или поговорить с рабочими. Теперь он пришёл наблюдать.

Место он выбрал в стороне — за штабелем бетонных плит, у обочины разбитой дороги. Отсюда проходная была видна как на ладони, а сам он оставался в тени и не бросался в глаза. Старая выучка подсказывала простую вещь: больше всего о враге узнаёшь не тогда, когда идёшь напролом, а когда он тебя не замечает.

Игорь закурил, прислонился к холодному бетону и стал ждать.

У ворот уже крутились чужие. Те самые крепкие, сытые парни в одинаковых тёмных куртках. Они не работали — они надзирали. Один развалился у перил и лениво бросал слова, другой поглядывал по сторонам, сплёвывал, перекатывал во рту спичку. Держались они не как рабочие. В них чувствовалась наглость, уличная развязность, привычка давить. Игорь сразу выделил их из всей заводской толпы — так на войне сразу видишь, кто здесь свой, а кто чужой.

Подшло время смены. Из проходной потянулись люди — усталые, серые от пыли. И тут началось то, от чего у Игоря свело челюсти.

Парни в куртках останавливали выходящих и без всякого стеснения рылись у них в сумках, по карманам, по рабочим курткам. Лезли руками, выворачивали карманы, ощупывали. Мужики терпели молча, опустив головы, не решаясь возразить. Своих же людей, на своём же заводе, обыскивали как воров у тюремных ворот. И, судя по всему, здесь это уже стало обычным делом.

— Чисто. Проходи. Следующий.

Один из этих чужаков отвёл в сторону пожилого рабочего — того самого слесаря, которого Игорь недавно угощал сигаретой. Наклонился к нему, что-то негромко говорил, постукивая пальцем в грудь. Старик побледнел, замялся, потом полез за пазуху и протянул ему смятые купюры.

Игорь стиснул зубы. С людей прямо у проходной собирали дань. Будто они платили за право работать на собственном заводе.

Из будки вышел тот, кто здесь, похоже, был главным. Рослый, тяжёлый, с золотой цепью поверх воротника, с жёстким взглядом исподлобья. Остальные сразу подтянулись, замолчали, стали ловить каждое его слово. Он окинул взглядом территорию, сплюнул под ноги и коротко бросил:

— Этих гоните. Тех двоих — ко мне. И не скалься, работай.

Игорь сразу отметил его. Один из тех, кто держит город в кулаке. Не самый главный, но явно из ближнего круга.

К проходной подъехала чёрная иномарка — та самая, с тонированными стёклами. Из конторы тут же выбежал человек в костюме, кто-то из заводского начальства, и торопливо направился к машине, всем видом показывая угодливость. Игорь видел, как директор наклонился к приоткрытому окну и только кивал, кивал, будто мелкий проситель перед хозяином. Не он отдавал распоряжения — он их выслушивал. И сразу становилось понятно, кто здесь на самом деле распоряжается, а кто лишь изображает власть.

У дальнего корпуса Игорь заметил ещё одну деталь. Там стоял настоящий заводской сторож — старик в выцветшей форменной фуражке, с пустой кобурой на поясе, чисто для вида. Он стоял, отвернувшись и делал вид, будто не замечает ни обысков, ни поборов, ни чёрной машины. Порядок на заводе давно перешёл в руки чужих людей, а тому, кто по должности должен был за ним следить, оставалось только не высовываться.

Это задело Игоря сильнее, чем сами поборы.

В одном из парней он узнал того самого охранника, который накануне грубо выставил его с завода. Всё тот же наглый, развязный вид. Игорь внимательно следил за ним: как тот разговаривает с рабочими, как унижает их, как уверен, что ему ничего не будет. Такая уверенность бывает только у тех, за чьей спиной стоит серьёзная сила. Значит, за этой мелкой шпаной есть кто-то поважнее. Тот, кому они и носят собранные деньги.

Злость поднималась в Игоре тяжёлой горячей волной, но он держал её под контролем. Переводил в холодный расчёт, как когда-то перед боевым выходом. Мысленно отмечал: сколько здесь чужаков, как они стоят, кто среди них главный, где припаркованы машины, откуда придёт помощь, если начнётся шум. Он пришёл сюда не драться. Он пришёл понять противника. И понимал всё больше.

Докурив, Игорь бросил окурочок под ноги, затоптал его и пошёл прочь. У самой дороги его обогнали двое рабочих. Шли с пустыми руками — видно, всё уже отдали у проходной. Они шагали, понунив головы, и тихо разговаривали между собой, не замечая Игоря.

— ...опять половину забрали. Скажу дома — не поверят.

— Да тише ты, — сразу оборвал второй, оглянувшись. — Север не любит, когда языком чешут. Сам знаешь, чем это заканчивается.

— Да тихо я, тихо...

Они свернули в переулочек и скрылись.

Игорь остановился и посмотрел им вслед.

Север.

Это имя они произнесли так же, как мать задёргивала занавеску у окна: шёпотом, с оглядкой, с зажатым в груди страхом. Короткое, чужое слово, за которым скрывалось всё — обыски, поборы, согнутые спины, дрожащие руки.

Игорь запомнил его. Уложил рядом с остальным — лицами, машинами, повадками, — в ту самую память, которая не подводила его на войне.

Теперь у этой безликой беды появилось имя.

Игорь сунул руки в карманы и пошёл в сторону города. Картина складывалась всё яснее — звено за звеном, нитка за ниткой. И где-то в конце всех этих нитей сидел человек, имя которого весь Гранитный произносил только вполголоса.

Глава 10. Разговор с братом

После ужина мать рано ушла прилечь — весь вечер жаловалась на сердце. Оксана прибрала со стола, погасила свет в комнате и тоже скрылась за занавеской. В избе стало тихо. Только на стене мерно тикали часы да потрескивали дрова в печи, бросая на стол неровные отблески.

Братья остались одни.

Игорь подлил себе и Виктору остывшего чая, подождал, пока тот закурит, и наконец спросил — спокойно, прямо, глядя брату в глаза:

— Вить, хватит ходить вокруг да около. Кто такой Север?

Виктор вздрогнул, словно его толкнули. Сигарета замерла у самых губ. Он быстро посмотрел на тёмное окно, потом на дверь — будто боялся, что их могут подслушать даже стены.

— С чего ты взял... — начал он, но тут же осёкся.

— Я слышал это имя на заводе. Слышал у колонки. Видел его людей у клуба, — тихо сказал Игорь, не повышая голоса, но твёрдо. — Весь город произносит это слово шёпотом, как болезнь. Я уже не ребёнок, Вить. И не слепой. Так кто он?

Виктор молчал, вертя сигарету в пальцах. На скулах ходили желваки.

— Не лез бы ты в это, Игорёк, — наконец выдал он. — Меньше знаешь — целее будешь.

— Я уже влез. С того дня, как увёл Марину от клуба. Так что давай без отговорок.

Виктор долго смотрел на брата тяжёлым взглядом. Потом будто что-то в нём надломилось. Он раздавил окурочек в блюде, опёрся локтями о стол и заговорил глухо, нехотя, словно через боль:

— Зовут его Северин Гладков. Появился здесь года три назад, приехал откуда-то со стороны. Сначала тихо, без шума. А потом не успели оглянуться — и весь город уже под ним. — Виктор криво усмехнулся. — Первым делом завод под себя подмял. Старого директора убрал, посадил своего. Цены — его, поставки — его. Зарплаты режут, а половина денег уходит мимо кассы, прямо ему в карман.

— А власть куда смотрела? Милиция?

— А милиция первая у него на побегушках, — махнул рукой Виктор. — Карьер раньше весь город кормил. А теперь его потихоньку добивают — выжмут всё до последнего и бросят.

Сначала он говорил сдержанно, будто каждое слово давалось через силу. Но потом в голосе прорвалась накопленная за годы горечь. Игорь слушал молча, не перебивая, только под столом всё сильнее сжимал кулаки.

— А кто пытается возражать, тех ломают, — продолжал Виктор, понизив голос. — Был у нас Степаныч, сварщик. Шумел, жалобы писал, мужиков поднимал. И чем всё закончилось? Сарай ему сожгли. Потом в подворотне так избili, что он месяц в больнице пролежал. После этого затих. И остальные затихли. Тут против Севера идти — всё равно что самому себе приговор подписать.

Игорь кивнул на перевязанную руку брата.

— А это что, Вить? Только правду. Не об железку ты руку разбил.

Виктор замолчал. Долго смотрел на свою кисть, на сбитые костяшки, на грязную повязку.

— Это люди Жилы, — тихо сказал он. — Жила у Севера правая рука. Холодный гад. Даже страшнее самого Севера. Они у нас на участке одного старика при всех били. Семёныча, помнишь? Он уже еле ходит. А они его — за то, что долг вовремя не отдал. — Виктор стиснул зубы. — Я не выдержал, полез. Ну и получил.

Он на секунду замолчал.

— Пока меня всерьёз не тронули только потому, что я бригадир и ещё нужен на производстве. А так бы...

Он не договорил.

— Какой ещё долг? — спросил Игорь.

— А вот это самое мерзкое, — Виктор подался ближе. — Они полгорода на долги посадили. Дают деньги — на лечение, на похороны, на что угодно. Только процент такой, что расплатиться невозможно. Долг растёт быстрее, чем человек успевает отдавать. И всё — ты у них на крючке. Работашь почти бесплатно, лишь бы гасить это бесконечное «набежавшее». Деньгами и страхом он людей держит крепче любых цепей.

Игорь молчал, перебирая всё это в голове. Завод. Поборы. Избиения. Долги. Мутный взгляд Марины. Дрожащие руки матери. Чёрная машина под окнами. Всё сходилось в одну точку, в одно короткое имя.

И тут в голосе Виктора прорвалось то, что он, видно, годами держал в себе:

— Я ведь старший, Игорёк. Я должен был мать защитить, дом, всех своих... А я привык. Стерпелся. Гну шею, только бы семью не трогали. Стыдно, а что делать? У них сила. У них свой закон.

Игорь видел в глазах брата не трусость, а усталость. Загнанность человека, которого придавила беда, с которой он не смог справиться один.

Виктор вдруг крепко схватил его за руку через стол — здоровой ладонью.

— И ты, Игорь, слышишь меня? Не лезь. Я тебя прошу. Один ты тут ничего не изменишь. Тебя просто раздавят — и не заметят. У тебя мать, у меня Оксана. Ну куда ты против них? Лучше поживи немного и уезжай, пока живой.

В этих словах был не только страх за себя. В них была настоящая, надломленная забота о младшем брате.

Игорь накрыл его руку своей.

— Не горячись, Вить. Я осторожно.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Виктор тяжело выдохнул, отпустил его руку и поднялся.

— Ладно. Пойду спать. Завтра рано вставать.

Он ушёл за занавеску. Скрипнула кровать. Через некоторое время оттуда донеслось ровное дыхание.

А Игорь остался сидеть за столом у догорающей печи. Допил остывший, горький чай. На душе было тихо и ясно, как перед боем.

Он пообещал брату быть осторожным. Но решение уже созрело — окончательно и бесповоротно. Слушая Виктора, он сложил всё в одну картину. И эта картина не оставляла ему выбора.

Отступить сейчас значило бы предать. Мать. Брата. Марину. Семёныча. Степаныча. Весь этот придавленный страхом, замолчавший город.

Война, от которой он семь лет уходил по чужим горам, настигла его дома. И прятаться от неё было уже некуда.

Игорь поставил пустую кружку на стол, поднялся и подошёл к тёмному окну. За стеклом спал Гранитный — под слоем пыли, под чужой властью, под коротким и страшным именем.

Глава 11. Имя Севера

Городской рынок в Гранитном находился на отшибе, у пыльной площади, где когда-то торговля кипела на весь район. Теперь под ногами чавкала грязь, ряды заметно поредели, и торговцев, казалось, было уже меньше, чем покупателей. Игорь шёл вдоль прилавков неторопливо, с видом обычного прохожего, но при этом внимательно замечал всё вокруг — лица, цены, взгляды, жесты.

Он остановился у лотка с зеленью. За прилавком стояла Михеевна — та самая старуха, которая торговала здесь ещё в его детстве.

— Здравствуйте. Почём пучок?

Она посмотрела на него, узнала и немного смягчилась.

— Да бери так, младший из Завьяловых. — И сразу же, понизив голос, добавила: — Только не удивляйся ценам. Не мы их назначаем.

— А кто?

Старуха быстро огляделась по сторонам и чуть подалась к нему.

— С каждого прилавка берут долю. Ниже нужной цены не продашь — ругаться придут. Выше — пожалуйста, хоть втридорога ставь. — Она недовольно поджала губы. — Не рынок, а оброк. Иди, сынок, не стой возле меня долго.

Игорь молча кивнул и отошёл. Здесь всем заправляли уже не спрос и не совесть, а чья-то чужая жёсткая воля.

Он пошёл дальше — и скоро увидел, чья именно.

Между рядами неторопливо, вразвалку шёл молодой парень в кожанке, с барсеткой под мышкой. Сытый, уверенный, наглый. Он обходил прилавки так, словно осматривал собственные владения. Торговцы без слов совали ему мятые купюры, кто-то отдавал кусок мяса, кто-то пакет с товаром. Один мужчина протянул деньги заранее, не дожидаясь, пока к нему подойдут, — лишь бы не злить.

Парень брал всё не считая, небрежно бросал в барсетку и шёл дальше. Никто не смел ни возразить, ни хотя бы косо посмотреть. Среди бела дня людей обирали так привычно и буднично, словно это была обычная плата за свет или воду.

Игорь отвернулся, чтобы не выдать себя взглядом, и отошёл к мясному ряду. Там, с краю, на ящике сидел пожилой мужик в фартуке и рубил кость. Игорь присел рядом, завёл разговор о пустяках — о погоде, о дороге, о мосте на Каменке.

Сначала тот отвечал скупо, потом присмотрелся внимательнее.

— Погоди-ка. Ты ведь из Завьяловых. Пасынок Степана Игнатьича. Младший, который воевал.

— Да, это я.

— Вернулся, значит. — Мужик отложил топорик и вытер руки о фартук. — Не вовремя ты вернулся, парень.

— Почему?

Старый торговец помолчал, оглянулся — нет ли поблизости того парня с барсеткой, — и заговорил тише:

— Здесь теперь всё под одной рукой. Рынок, магазины, завод. Даже похоронное дело — и то у него. Умрёшь — всё равно ему заплатишь.

— Под чьей рукой?

Мужик снова помедлил, словно не решался произнести имя. Потом сказал тихо, почти одними губами:

— Север. Северин Гладков.

И, будто сбросив с себя тяжесть, заговорил уже быстрее:

— Пришёл неизвестно откуда, года три назад. Сначала был тихий, вежливый, аккуратный. А потом раз — и весь город у него в кулаке. Хитрый гад. И жадный. И на чужую жизнь ему наплевать.

Игорь слушал молча, не перебивая. Имя постепенно складывалось в конкретного человека. Северин Гладков. Хозяин чужих судеб.

— Наплевать на чужую жизнь? — переспросил он.

Мужик исподлобья глянул на него и снова осторожно посмотрел по сторонам.

— А ты как думал? Он не только решает, сколько будут стоить хлеб и водка. Он решает, кому жить, а кому нет. — Голос его стал ещё тише. — Кто встанет поперёк — тот пропадает. Один вдруг спился, хотя раньше в рот не брал. Другой утонул в речке будто бы по пьянке, хотя плавал лучше любого. Третьего машина сбила — и ни машины потом не нашли, ни водителя. Закон здесь один — его слово.

За обычными поборами, за грязью и обшарпанными рядами вдруг проступило что-то куда более страшное. Игорь почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— А кто у него в помощниках? — негромко спросил он. — Вон тот, с барсеткой?

Мужик скосил глаза, не поворачивая головы.

— Этот на рынке деньги собирает. Вон тот, у ворот, в серой куртке, — дурь возит, молодёжь травит. А вон тот, кривой, у пивной палатки, — долги выбивает. У него рука тяжёлая. Лучше с ним не сталкиваться.

Игорь запоминал лица и роли так же, как когда-то запоминал расположение вражеских постов. То, что прежде было просто смутной сетью, постепенно обретало очертания. Сборщик, наркоторговец, выбивала. И над всеми — одно имя.

— И что, никто не жаловался? — спросил он. — В милицию, в район?

Мужик горько усмехнулся и кивнул в сторону въезда на рынок. Там стояла милицейская машина, а рядом, о чём-то лениво переговариваясь, стояли тот самый сборщик с барсеткой и человек в форме. Оба смеялись, как старые знакомые.

— Видишь? — Мужик сплюнул. — Вот тебе и милиция. Первые друзья. Напишешь заявление — оно ещё по дороге пропадёт. А потом сам пожалеешь, что вообще рот открыл. Был тут один смелый... написал. И где он теперь — никто не знает.

Игорь молчал. Выходило, что беда здесь была куда глубже, чем просто шайка наглых вымогателей. Гниль уже добралась и до формы, и до власти. Закон в городе больше не защищал людей.

Он ещё немного постоял и снова оглядел рынок. Теперь он видел не просто продавцов и покупателей. Он видел, как при одном упоминании имени люди невольно снижают голос, озираются, бледнеют. Как старуха у зелени втягивает голову в плечи. Как мясник всё время косится на ворота. Город держался уже не на законе и даже не на голой силе, а на вязком, липком страхе. На том самом страхе, который Игорь видел в чужих сёлах под властью полевых командиров. Там люди точно так же замолкали, точно так же отводили глаза, так же платили дань и хоронили тех, кто пытался сопротивляться.

— Спасибо, отец, — сказал он, поднимаясь. — Спасибо за правду.

— Да не за что. — Мужик снова взялся за топорик. — Ты вот что, парень. Раз уж вернулся — сиди тихо. А лучше уезжай. Таких, как ты, здесь не любят. Здесь любят покорных.

Игорь ничего не ответил. Сунул руки в карманы и пошёл к выходу — мимо милицейской машины, мимо смеющегося сборщика. Шёл ровно, не торопясь, не отводя глаз, но по дороге всё отмечал про себя: лицо человека в форме, номер машины, манеру держаться того, кто носил барсетку.

С рынка он уходил уже не просто с догадками. Теперь у безликой беды было всё: имя, лицо, люди, щупальца. Северин Гладков. Север.

Злость, которая кипела в нём весь день, улеглась, уступив место холодной и знакомой ясности. Так бывало перед выходом, когда туман неизвестности рассеивался и впереди наконец появлялась цель. Смутная угроза обрела форму, а значит — по ней уже можно было бить.

Игорь шёл по разбитой улице к дому и думал спокойно, без горячки. Если он хочет вытащить город из этой трясины, идти нужно не на сборщика с барсеткой, не на выбивалу у пивной, не на продажного милиционера. Бить придётся в самый верх. В того, чьё имя здесь произносят шёпотом. В того, кто решает, кому жить.

Глава 12. Чужая свадьба

Соседи через два двора, Кравцовы, выдавали замуж дочь. И несмотря на пыль, на безденежье, на чужую власть, которая держала город за горло, гулять собиралась вся улица. Так уж здесь было заведено: что бы ни происходило вокруг, а свадьба есть свадьба.

— Сходил бы, Игорёш, — сказала утром мать, поправляя ему ворот рубахи. — Нехорошо людей обижать. Кравцовы тебя ещё мальчишкой помнят. Да и сам хоть развеешься. А то всё ходишь со своими тяжёлыми мыслями.

Игоря на свадьбу не тянуло. Но он понимал: на таком празднике видно весь город — кто как живёт, кто кого боится, кто как держится. Лучшего случая присмотреться и не придумаешь.

— Схожу, мам, — кивнул он.

Во дворе у Кравцовых, под брезентовым навесом, составили столы и накрыли их чем смогли. Из старых колонок играла музыка, девушки надели платья, мужчины — галстуки, какие только нашлись в шкафах. Люди старались веселиться громко, наперекор серым будням, будто хотели отстоять у беды хотя бы один светлый день. Игорь смотрел на всё это и видел за весельем надрыв. Праздник держался из последних сил — как и весь Гранитный.

Его сразу узнали, окликнули, усадили к своим.

— О, младший Завьялов! Живой! Садись, солдат, сначала штрафную!

Кто-то пожал руку искренне, по-доброму. Кто-то присматривался настороженно — слухи о человеке, который не кланяется Северу, уже успели разойтись по городу. За столом сидели всё те же лица, которые Игорь видел у колонки и на заводе: усталые, настороженные, придавленные жизнью. Под звон рюмок и стаканов шли осторожные разговоры, и Игорь, как всегда, больше слушал, чем говорил.

Жених — молодой парень, будущий зять Кравцовых — раскраснелся, обнимал невесту, что-то шептал ей на ухо. Она смеялась. На мгновение Игорю даже показалось, что всё стало как раньше — как до войны, как и должно быть у людей.

И тут всё будто надломилось.

Во двор, не спрашивая разрешения, вошли несколько парней в кожаных куртках. Люди Севера. Музыка не остановилась, но за столами сразу повисло напряжение. Игорь почувствовал его кожей — как перед грозой. Гости опустили глаза в тарелки, будто старались стать незаметными.

Отец невесты побледнел. Быстро поднялся, засеменял навстречу, натянув на лицо заискивающую улыбку.

— Проходите, гости дорогие... Милости просим... Чем богаты...

Старший из пришедших — кривой, тяжёлый, тот самый, что выбивал долги на рынке, — отвёл хозяина в сторону. Наклонился к нему, что-то тихо говорил, кивая то на столы, то на навес, то на молодых. Хозяин торопливо закивал, полез за пазуху, дрожащими пальцами отсчитал деньги и отдал.

Игорь видел всё.

Налог на счастье. Даже этот день здесь оказался обложен данью, как базарный прилавок.

Но и этого им показалось мало. Парни пошли вдоль столов, вразвалочку, с ленивой наглостью. У одного гостя забрали конверт, приготовленный для молодых. У другого сняли с руки часы — мол, дай поносить. У третьего просто потребовали:

— Давай, дядя, скинься на уважение. Не жмись.

Люди отдавали молча, через силу улыбаясь, лишь бы не злить. Игорь сидел, сжав кулак под столом так сильно, что побелели костяшки. Но лицо держал спокойным. Смотрел. Запоминал.

Один из бандитов, помоложе, распалился — не от водки, а от ощущения чужого страха. Подошёл к жениху, тяжело хлопнул его по плечу.

— Ну что, молодой. Хороша у тебя невеста. — Он окинул девушку липким взглядом и осклабился. — Может, и нам чего перепадёт? По-соседски?

Жених мгновенно побагровел. На скулах заходили желваки, рука сжалась в кулак. Невеста застыла, побледнела. За столом стало тихо.

— Чего молчишь? — не отставал бандит, словно проверяя, хватит ли у того духу возразить. — Язык проглотил?

Жених молчал, опустив голову. В свой собственный день, при всех гостях, он сидел и глотал унижение. Игорь видел в этом ту же самую показную ломку, на которой и держался весь город: унижить одного при всех, чтобы остальные ещё крепче запомнили своё место.

Внутри у него поднялась знакомая тяжёлая волна. Всё в нём уже было готово — встать, шагнуть, одним движением осадить наглеца. Он знал, как это делается. Знал, что хватит одной секунды.

И именно в этот момент он поймал чужие взгляды.

Отец невесты смотрел на него с немой мольбой: не лезь, парень, всех погубишь. Женщины за столом сидели, вжав головы в плечи. А с другого края, где сидел Виктор с Оксаной, брат встретился с ним глазами и едва заметно качнул головой. Не надо. Не здесь.

Игорь глубоко вдохнул.

И заставил себя остановиться.

Он понимал то, чего не хотело принимать нутро: если сейчас вспыхнет драка, расплачиваться будут не эти кожаные куртки. Расплачиваться будут Кравцовы, жених с невестой, гости. Север не прощает, когда при его людях кто-то осмеливается поднять голову. Потом придут мстить, жечь, ломать жизнь — и первым делом тем, у кого сегодня свадьба.

Не время. Пока ещё не время.

Не дождавшись отпора, бандит потерял интерес. Ещё раз хлопнул жениха по плечу — уже почти снисходительно, как треплют собаку, — и отошёл к своим.

Собрав всё, что хотели, и вдоволь наигравшись чужим страхом, люди Севера направились к выходу. Старший, проходя мимо столов, бросил через плечо с усмешкой:

— Гуляйте, гуляйте. Только тихо. Без глупостей.

У самой калитки он скользнул взглядом по гостям и на миг задержался на Игоре. Узнал. Кивнул самому себе, усмехнулся. Игорь выдержал этот взгляд спокойно — не отводя глаз, но и не вызывая. Просто отметил про себя лицо, повадку, движение руки.

Хлопнули дверцы машины, взревел мотор. И только когда шум стих в конце улицы, люди за столами наконец выдохнули. Кто-то нервно засмеялся, кто-то потянулся к бутылке, тамада торопливо велел сделать музыку громче, пытаясь вернуть празднику видимость жизни.

Но веселье уже было сломано.

Жених сидел красный, не поднимая глаз. Невеста гладила его по руке и что-то тихо шептала. Над столами, даже под бодрую музыку, висел тяжёлый, горький осадок — такой, который не зальёшь никаким вином.

Игорь сидел среди притихших гостей и всё яснее понимал, зачем, может быть, и пришёл сюда.

Страх вьелся в этот город до самого дна. Он проник даже в радость, даже в свадьбу, даже в тот единственный день, который должен принадлежать только счастью. Люди были готовы платить, терпеть, проглатывать любое унижение — лишь бы их оставили в покое хотя бы на несколько часов, хотя бы в этот праздник.

Он смотрел на молодых, на их вымученные улыбки, словно заново приклеенные к лицам, на дрожащие руки отца невесты, который прятал глаза. И внутри, под внешним спокойствием, всё твёрже становилось решение.

Так больше быть не должно.

Молчание этого города обходилось слишком дорого — дороже любых денег, которые собирали по столам парни в кожаных куртках. Здесь платили не только рублями. Здесь платили радостью, достоинством, самым правом человека спокойно прожить свой день — даже собственную свадьбу.

Когда тамада крикнул: «Горько!», Игорь поднял рюмку вместе со всеми и молча выпил до дна.

За молодых.

За то, чтобы у них всё-таки была жизнь.

И за то, что теперь он уже точно знал: всему этому нужно положить конец. Чего бы это ни стоило.

Глава 13. Бессонная ночь

Игорь вернулся домой далеко за полночь. В доме уже все спали. Только на стене тихо тикали часы да поскрипывали половицы под его осторожными шагами. Он разделся в темноте, чтобы никого не разбудить, лёг на кровать прямо поверх одеяла, заложил руки за голову и стал слушать тишину.

Сон не приходил. За день на него навалилось слишком многое. Слишком много лиц, слишком много мыслей.

Перед закрытыми глазами одно за другим вставали недавние сцены, будто он мысленно перебирал сводку после разведки. Жених на свадьбе — красный, униженный, с опущенной головой. Отец невесты — согнувшийся, угодливый, с дрожащими пальцами. Марина с мутным, потерянным взглядом на скамейке у клуба. Материны руки — слабые, дрожащие без остановки. Перевязанная грязной тряпкой разбитая кисть брата.

Игорь складывал всё это в уме, пытался понять, что стоит за каждым из этих лиц. И очень быстро видел общее. Одно и то же для всех. Город задавлен. Город молчит. Город живёт, проглотив страх, согнувшись и заранее ожидая нового удара.

Под утро его всё-таки сморил сон. Но вместо покоя пришла война.

Ему снова снилось то, что он знал до последней мелочи. Пыльная дорога, уходящая в чужие выжженные горы. Тяжёлая жара, от которой дрожит и плавится воздух. Запах гари, пыли и раскалённого железа. Где-то впереди — короткий, рваный треск автоматных очередей. Кто-то кричит: «К бою!» — и тело само, ещё во сне, собирается в пружину, падает за камень, палец привычно ищет спуск.

А потом из дыма к нему вышли те, кого уже давно не было в живых.

Они стояли молча. Серёга-сапёр, которого он не успел вытащить. Молодой связист, погибший в первый же выход. Другие — один за другим. Они смотрели на него спокойно, без укора, и от этого спокойствия становилось тяжелее, чем от любого крика. Игорь тянулся к ним, хотел что-то сказать, объяснить, попросить прощения, но они отступали, растворялись в дыму, не давая себя догнать. Война снова возвращала ему долги, которые нельзя отдать.

И тут грохнул взрыв.

Тот самый. Близкий, оглушающий, вырывающий землю из-под ног. После него он когда-то очнулся в госпитале с гудящей головой и не сразу вспомнил даже собственное имя.

Игорь резко вскинулся на постели.

Он сел рывком, весь мокрый от пота. Сердце бешено колотилось, будто хотело вырваться из груди. Правая рука сама метнулась в сторону, машинально шаря по простыне в поисках оружия, которого рядом не было. Несколько секунд он не понимал, где находится. Вокруг была только темнота и тишина. Ни стрельбы, ни дыма.

Постепенно глаза привыкли к темноте, и из мрака начали проступать знакомые вещи: иконка в углу, выцветшие фотографии на стене, занавеска на окне. Дом. Родные стены.

Он медленно выдохнул, провёл ладонью по лицу. Потом опустил ноги на холодный пол и ещё немного посидел, выравнивая дыхание, считая удары сердца, пока оно не успокоилось.

И именно в этой тишине ему вдруг пришла в голову простая и страшная мысль.

Война и дом больше не были для него разными мирами.

Раньше он чётко разделял их. Там, далеко, за тысячи километров, были чужие горы, страх в глазах местных жителей, дань полевым командирам, показательные расправы над теми, кто пытался возражать. А здесь, дома, — тайга, мать у печки, тихий провинциальный городок. Казалось, это две совершенно разные жизни.

Теперь всё смешалось.

Гранитный под властью Севера оказался тем же самым селом под пятой очередного полевого хозяина. Тот же страх в глазах. Та же привычка молчать. Та же дань, которую собирают у проходной, на рынке, даже на свадьбах. Те же люди, которые вдруг «спиваются», «пропадают» или гибнут, если осмелятся поднять голову. Выходило, что он не вернулся с войны. Он просто оказался на другой её стороне.

Сквозь ночную тишину до него доносились звуки дома. Тихий сдержанный кашель матери за стеной — видно, и она не спала, мучилась сердцем. Осторожные шаги Оксаны, вставшей попить воды. Скрип кровати — это ворочался Виктор, и, похоже, ему тоже снилось что-то тяжёлое.

Эти звуки заделали Игоря сильнее любого кошмара. Вот они — живые, близкие. Вот за кого он теперь отвечает. Вот что он может потерять, если промолчит, как все, согнётся, как все, отвернётся, как весь этот город.

И тогда начался самый тяжёлый бой за всю ночь — бой с самим собой.

Одна его часть говорила голосом Виктора: «Уезжай. Не лезь. Тебя здесь раздавят и не заметят. У тебя мать. Побереги своих. Что ты один можешь против такой силы?» И в этих словах была своя правда — тяжёлая, житейская, осторожная.

Но другая часть — холодная, жёсткая, закалённая за семь лет — отвечала ей спокойно и без колебаний: «Если уйдёшь — предашь. Мать. Брата. Марину. Семёныча. Всех этих людей, которые уже забыли, как говорить вслух. Будешь жить дальше и знать, что струсил. И это будет хуже любой раны».

Игорь снова и снова перебирал эти доводы, как когда-то перебирал варианты на войне: идти напрямик через опасность или искать обход. Прикидывал силы — свои и чужие. Взвешивал. И постепенно чаша весов всё явственнее склонялась в одну сторону.

К утру буря внутри утихла. Осталась только ясность — холодная, трезвая, почти звенящая. Такая ясность приходит перед самым тяжёлым делом, когда все сомнения уже исчерпаны и решение принято.

Он понял главное: приехал сюда не отдыхать, не прятаться, не залечивать старые раны в тихом таёжном углу. Война нашла его и здесь, дома. Просто теперь она выглядела иначе — без формы, без фронта, с тонированными стёклами и кожаными куртками. И бороться с ней придётся тем, что он умеет лучше всего. Другого пути у него всё равно нет.

За окном стало светлеть. Над городом поднимался мутный рассвет, припорошённый каменной пылью — всё такой же серый, больной, безрадостный.

Игорь встал, подошёл к окну и отёрнул занавеску. Гранитный лежал перед ним — ещё спящий, задавленный, ничего не подозревающий. Спали те, кто молча гнул спину. Спали те, кто собирал дань. Где-то спал и сам Север.

Но внутри у Игоря всё уже было решено — окончательно и безвозвратно.

Он не уедет. Он останется.

Не как гость, приехавший ненадолго. Не как сын, который заскочил проведать мать. А как человек, который пришёл вернуть людям то, что у них отняли: право не жить в страхе. Право говорить вслух. Право не сгибаться.

Он смотрел на серый рассвет и не чувствовал ни страха, ни тяжести. Только спокойную, холодную готовность.

Глава 14. Я остаюсь

После бессонной ночи Игорь уже не ложился. Умылся во дворе ледяной водой из бочки, побрился, надел чистую рубаху. В каждом его движении чувствовалась спокойная собранность человека, который всё для себя решил. За окном просыпался серый, припорошённый пылью Гранитный, и теперь Игорь смотрел на него уже по-другому — глазами человека, который остаётся.

Антонина Павловна, как и в прежние годы, поднялась раньше всех и хлопотала у печи. Игорь сел за стол и долго молча смотрел на неё — на согнутую спину, на дрожащие руки, на по-старушечьи повязанный платок. В груди одновременно щемило и от любви, и от боли. Из-за неё он и не смог бы уехать, как бы она ни просила.

— Мам, — наконец сказал он. — Присядь. Поговорить надо.

Она обернулась, вытерла руки о фартук и села напротив. В глазах сразу мелькнула тревога.

— Что такое, Игорёш?

— Я остаюсь, мам. Насовсем. Не просто погостить.

Антонина Павловна замерла с полотенцем в руках. На лице у неё одновременно отразились и радость, и ужас — две силы, которые будто разрывали её пополам. Она и сама не понимала, то ли плакать, то ли молиться.

— Сыночек... — выдохнула она и тут же заговорила быстро, сбивчиво, почти с отчаянием: — Нельзя тебе здесь оставаться. Слышишь? Уезжай. Эта чёрная машина под окнами уже не первый раз ходит. Витьке руку перебили — ты сам видел. А Степаныча, соседа, помнишь? Был человек — и нету. И не он один. Уезжай, пока цел. Спрячься где-нибудь, забудь нас...

— Мам.

— Что — мам? — Голос её дрогнул и сорвался. — Я тебя семь лет ждала. Семь лет ночами не спала, всё думала — живой ты или нет. Дождалась. И теперь сама должна тебя на смерть отпустить? Не могу я, Игорёша. Не могу.

В её словах слышался весь тот страх, которым Север отравил город, — страх, добравшийся даже до материнского сердца.

Игорь взял её холодные, дрожащие руки в свои и осторожно сжал.

— Послушай меня, мам. Только спокойно послушай. — Он говорил тихо, но твёрдо, не отводя глаз. — Помнишь, каким меня отец растил? Степан Игнатьич. Он мне не родной был, а всё равно настоящим отцом стал. Чему он меня учил? Спину не гнуть. За своих стоять. Я семь лет на чужой земле под пули лез ради людей, которых даже не знал. А теперь здесь — мать, брат, мой город. И что, мне просто отвернуться и уехать?

— Игорёша...

— Не смогу я так, мам. — Он покачал головой. — Не смогу всё это увидеть и уехать в сторону. Сидеть потом где-нибудь, пить чай и помнить, что струсил, что бросил своих. Для меня это хуже смерти. Понимаешь?

Антонина Павловна молчала, только глотала слёзы.

— И ещё... — сказал Игорь уже тише. — Я Марину нашёл.

Мать сразу подняла на него глаза.

— Возле старого клуба. Сидит на лавке, ни на кого не смотрит. Худющая, руки все в синяках. Её споили, мам. На дрянь посадили. Я привёл её к нам, ты сама видела. И вот от неё я тоже не отступлюсь. Какой бы она сейчас ни была — вытаску.

Антонина Павловна вытерла глаза концом платка. И вдруг окончательно поняла то, что и так уже знала: сына не переубедить. Он весь в отца — такой же упрямый, такой же совестливый. Хоть плачь, хоть молись — всё равно пойдёт своим путём.

Она долго смотрела на него, словно стараясь запомнить. Потом подняла дрожащую руку и медленно, истово перекрестила сына. После этого притянула его к себе и прижалась седой головой к его груди.

— Господи, сохрани тебя... — прошептала она.

Игорь обнял мать, почувствовав, какая она стала лёгкая и хрупкая. В её слезах были и страх, и боль, но было ещё кое-что — тихая, горькая гордость. Сын вернулся не сломленным, не человеком, который бежит от беды. Он вернулся защитником.

— Только об одном прошу, — сказала она, немного отстранившись и заглядывая ему в лицо. — Береги себя. И Витьку тоже. Слышишь? Вас у меня двое.

— Слышу, мам. Постараюсь.

В этот момент скрипнула половица. На голоса в кухню вошёл Виктор — заспанный, хмурый. Остановился на пороге, окинул взглядом заплаканную мать, брата за столом — и сразу всё понял без слов.

Между братьями повис тяжёлый молчаливый разговор. Виктор нахмурился ещё сильнее, качнул головой — он ведь просил, предупреждал, уговаривал не лезть. Но Игорь видел в его усталых глазах не только страх за близких. Там был и другой огонёк — слабый, почти забытый, недоверчивый проблеск надежды.

— Я тебя ни о чём не прошу, Вить, — спокойно сказал Игорь. — За собой не зову. Сам решай. Но я назад не пойду. Это уже решено.

Виктор долго молчал. Смотрел то на свою перевязанную руку, то на мать, застывшую с прижатыми к груди ладонями, то на младшего брата — собранного, твёрдого, одновременно родного и будто уже немного чужого.

— Дурак ты, Игорёк, — сказал он наконец хрипло. Потом помолчал и тяжело добавил: — Помогать открыто... не могу. За Оксану боюсь. За мать. Но мешать тебе тоже не стану. И если что — не брошу. Слышишь? Не брошу.

Он отвёл глаза, будто сам стыдился сказанного. А Игорь понял: лёд всё-таки тронулся. Брат не сказал прямо «да», но и стена между ними уже дала трещину.

— Спасибо, Вить, — только и ответил он.

Игорь поднялся из-за стола, накинул куртку и вышел во двор, в серый рассвет. Постоял на крыльце, оглядел город, лежавший в низине под слоем пыли и страха.

Решение было принято. И теперь оно уже было сказано вслух — матери, брату, самому себе. Обратной дороги не оставалось.

Он был один против большой силы. Один против Севера, против его людей, против продажной милиции, против всего этого молчаливого, согнутого города. И всё же в эти дни он чувствовал не страх и не тяжесть, а ясность и спокойствие — то самое состояние, которое приходит к человеку перед большим и окончательным делом, когда сомневаться уже поздно.

Война началась. Тихая, без выстрелов, но всё равно война.

И этот двор, старая щербатая калитка, дом, где спала больная мать, — всё это становилось её первым рубежом. Рубежом, который он не отдаст.

Игорь поднял воротник от утреннего холода, спустился с крыльца и пошёл к воротам — навстречу дню, с которого всё и должно было начаться.

Часть II. Под чужой пятой

Глава 15. Контора в ДК

Игорь решил, что для начала нужно понять, где у врага главный опорный пункт. На рынке и у завода он уже не раз слышал обрывки разговоров: бывший Дом культуры теперь служил «конторой» — местом, где сидели люди Севера и где решались все важные дела в городе. Тем самым тёмным центром, к которому тянулись все нити.

Как опытный разведчик перед выходом, он поставил себе простую задачу: подойти, осмотреться, не выдать себя. Без лишней спешки и шума. Сначала — посмотреть, понять, запомнить. Лезть в логово зверя напролом было бы глупо. Сначала нужно разобраться, как это логово устроено.

Накануне он спокойно обошёл Дом культуры и его окрестности, присматриваясь и прикидывая. В итоге выбрал заросший пустырь по соседству, где торчал ржавый каркас старой котельной. Оттуда хорошо просматривались фасад, двор и боковые входы, а сам он оставался в тени. Игорь сразу отметил углы обзора, возможные пути отхода и места, где можно укрыться. Всё как положено.

К полудню он уже лежал в сухом бурьяне за обломком бетонной стены, почти слившись с местностью, и ждал. Терпения ему было не занимать — за годы войны он привык подолгу лежать в засаде, когда нельзя ни пошевелиться, ни кашлянуть.

Снаружи Дом культуры по-прежнему выглядел как заброшенная руина: облупившийся фасад, выбитые окна, осыпавшаяся лепнина. Но вскоре Игорь заметил то, чего обычный прохожий не увидел бы. Одно крыло здания явно использовалось. Окна там были закрыты прочными решётками и плотными шторами, дверь обшита железом, над входом висел свежий козырёк. Зброшенный ДК только притворялся мёртвым. На самом деле за этим облезлым фасадом билось чужое, тёмное сердце.

К боковому входу то и дело подъезжали машины. Те самые иномарки, которые Игорь уже видел у завода и возле своего дома. Из них выходили знакомые лица — нагловатые парни в куртках, сборщики денег, люди с рынка. Игорь считал машины, запоминал номера, отмечал, кто приезжает налегке, а кто привозит сумки и свёртки.

Постепенно картина становилась яснее. Час за часом он отмечал расписание. Вот у входа сменились охранники: двое ушли, двое заступили. Вот привезли выручку: короткая передача, сумка из рук в руки, и машина сразу уехала. Ближе к вечеру начали подъезжать люди посерьёзнее. При их появлении местная мелочь сразу подтягивалась, переставала лениво шататься и сплёвывать под ноги.

У этой «конторы» был свой порядок, свой ритм, своя дисциплина — почти военная. Игорь быстро понял: здесь работает не просто дворовая шпана, а хорошо выстроенная система. Противник был организован. Это он отметил особенно — недооценивать такую силу было нельзя.

Щурясь, он раскладывал всех по памяти и по ролям. Вот сборщики с рынка — их он уже знал в лицо. Вот те, кто крутится у клуба и торгует наркотой, — этих он тоже раньше видел. Вот охрана — крепкие, молчаливые, без лишней суеты. А вот и люди рангом повыше — перед ними остальные сразу подтягивались и притихали.

Та сеть, о которой ему шёпотом рассказывали на рынке, теперь постепенно обретала конкретные лица и связи. Контора в Доме культуры была её центром. Узлом, в котором сходилась всё.

Под вечер подъехала дорогая, ухоженная машина — заметно лучше остальных. Из неё вышел человек, при виде которого даже наглые охранники сразу собрались. Он не суетился, не оглядывался по сторонам. Спокойно осмотрел двор, поправил манжет.

Игорь сразу насторожился и стал смотреть внимательнее. Имени этого человека он ещё не знал, но сразу понял главное: это не рядовой бандит и не обычный сборщик. В нём чувствовались холод, расчёт и власть. Правая рука хозяина. Так Игорь впервые заметил Жилу — пока ещё без имени, но уже отмеченного в памяти отдельно и надолго.

Теперь он смотрел на это место уже не просто как разведчик, а как сапёр перед штурмом укреплённой точки. Решётки на окнах. Железные двери. Прожектор над входом, который зажётся с наступлением темноты. У торца — собака на цепи: крупная, злая, настороженная. Во дворе — люди, которые явно не спали и всё время следили за обстановкой.

Вывод был очевиден. Лезть сюда напрямик — бессмысленно и смертельно. Это не приют, который можно развалить одним наскоком. Это настоящая крепость в центре города. И брать её придётся не грубой силой, а умом — медленно, осторожно, шаг за шагом.

Когда стемнело, Игорь уже собирался уходить, но тут из бокового входа вышел охранник с собакой — обходить территорию. Пёс шёл, опустив морду, потом вдруг потянул в сторону пустыря, прямо к Игорю. Заворчал, натянул поводок.

Игорь замер.

Он вжался в землю, перестал дышать, слился с бурьяном и бетоном — так же, как когда-то замирал под самым носом у вражеского дозора. Сердце билось сильно, но ровно. Несколько долгих секунд могли решить всё. Один лай в его сторону, один окрик — и вся эта крепость сразу всполошится, выскочат люди, и ночь закончится бедой.

Пёс всё тянул и ворчал. Охранник, лениво всматриваясь в темноту, дёрнул поводок.

— Куда тебя понесло? Крысу, что ли, почуял? Пошли давай, — буркнул он, зевая. — Здесь вечно шастает всякая дрянь.

Он развернул собаку и повёл обратно к свету. Пронесло.

Игорь ещё подождал, пока шаги совсем не стихнут, и охранник не скроется за углом. Потом так же бесшумно отполз глубже в пустырь, поднялся в тени котельной и исчез в темноте.

Уходил он уже не с пустыми руками. В памяти у него была целая схема: расположение конторы, охрана, машины, лица, распорядок, сильные и слабые стороны. Всё, что нужно для начала.

Дома, сидя в темноте у окна, чтобы никого не разбудить, Игорь мысленно выстраивал первую карту вражеского хозяйства. В центре — крепость. От неё расходятся нити: к рынку, к заводу, к баракам. Отдельно — холодная фигура правой руки. Всё укладывалось в голове так же чётко, как когда-то позиции противника на военной карте.

Гнездо было найдено и изучено. Теперь Игорь знал, где бьётся тёмное сердце города.

И понял ещё одно, самое важное: в одиночку такого зверя не одолеть. Крепость с решётками, прожектором, собакой, охраной и налаженной системой не взять силами одного человека, каким бы он ни был.

Ему нужны были свои. Те, с кем он уже проходил через огонь. Те, кто поймёт его без лишних слов и прикроет спину.

Глава 16. Притон

Марина теперь жила в дальней комнате — тихая, потерянная, словно тень. Игорь поставил ей кровать, принёс одежду из маминых запасов, и с виду казалось, что она понемногу обживаетеся. Но он замечал то, что не бросалось в глаза другим: время от времени её начинала бить мелкая дрожь, потом она куда-то исчезала на час или два и возвращалась уже с мутным, плавающим взглядом. Игорь понимал: пока она сидит на этой дряни, по-настоящему вытащить её не получится. Сначала нужно было выяснить, кто и откуда снабжает её этой отравой.

Расспрашивать напрямую не имело смысла. Игорь знал: человек в зависимости соврёт, не моргнув глазом, наговорит что угодно, лишь бы добратся до очередной дозы. Поэтому он выбрал другой путь. Стал просто наблюдать: когда она уходит, куда направляется, с кем перебрасывается парой слов у калитки. Так на войне следят за связным — не приближаясь, а читая человека по привычкам и мелочам.

Через несколько дней он уже научился замечать признаки. Сначала Марина начинала беспокойно ходить по комнате, потом замирала, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, кусала губы, растирала ладони. А потом тянулась к двери.

В тот день её ломало сильнее обычного. Она вышла во двор, оглянулась — Игорь успел отступить за угол сарая, — и быстро, почти бегом, направилась к окраине.

Он пошёл следом. Шёл дворами, пустырями, держась на расстоянии и уходя в тень каждый раз, когда она оборачивалась. Военная привычка не отпускала: тело само выбирало укрытия, шаг получался мягким и бесшумным.

Марина привела его к самому краю города, туда, где доживали свой век старые бараки. Покосившиеся, почерневшие от времени, они стояли у леса, как ненужный, брошенный хлам. Обычные люди сюда не совались. Здесь была своя жизнь — отдельная, гнилая и страшная.

Игорь устроился за грудой битого кирпича, метрах в пятидесяти, и стал наблюдать.

Картина была ему знакома по другим разрушенным местам. Окна крайнего барака были затянута тряпьем. У входа топтались двое опустившихся людей — мужчина и женщина, оба худые, нервные, с дёргаными движениями. Даже на расстоянии в воздухе чувствовались запах гнили и дешёвого табака. К бараку по одному подтягивались такие же тени — серые лица, пустые глаза, изломанные фигуры. Город словно свозил сюда своих живых мертвецов. И кто-то на этом делал деньги.

Марина подошла к двери и постучала — не просто так, а особым, условным стуком. В щели появилась рука. Всё произошло быстро и привычно: смятые купюры ушли внутрь, маленький свёрток тут же вернулся обратно. Несколько секунд — и дверь снова закрылась.

Игорь видел всё отчётливо. Вот она, та нитка, что держала Марину крепче любой цепи. И тянулась она отсюда — из этой вонючей дыры на окраине.

Марина отошла от двери, спрятала свёрток за пазуху дрожащими руками и поспешила обратно. Игорь за ней не пошёл — он знал, что она вернётся домой. Вместо этого остался наблюдать за бараком.

Через некоторое время на пороге появился сам хозяин. Худой, жилистый, с серым пропитым лицом и бегающими глазками. Осмотрел двор и прикрикнул на одного из оборванцев, который подошёл слишком близко:

— Куда прёшь? Сказано же — деньги сначала. Не торчи здесь.

Тот отступил, что-то просительно забормотал. Хозяин лишь брезгливо махнул рукой.

Игорь сразу понял, кто перед ним. Не главарь, конечно. Мелкая сошка, низовое звено — местный хозяин своей гнилой точки, через которого Север травил город понемногу, по капле. Но именно через таких и тянулась нитка наверх.

Один из доходяг, тот самый, что просил, окликнул его заискивающе:

— Сухой, ну будь человеком... хоть в долг на разок...

— Я тебе сейчас дам в долг, — зло бросил тот. — Пошёл отсюда, чтоб духу твоего не было.

Сухой. Игорь сразу запомнил кличку и привязал её к лицу, к серым щекам, к этим мелким бегающим глазкам. А по обрывкам разговоров, долетавшим от барака, сложил и остальное. Сухой держал наркоту на этом конце города. Смотрящий от людей из конторы. Ещё одно звено в цепи получило имя.

Игорь просидел в укрытии до самых сумерек. И его терпение окупилось.

К бараку, осторожно объезжая ямы, подъехала машина. Знакомая — одна из тех, что он уже видел у Дома культуры. Стекло опустилось, но никто из салона не вышел. Сухой тут же подскочил к машине, заискивая почти так же, как директор завода перед чёрной иномаркой. Просунул в окно туго перетянутую пачку денег, взамен получил сумку. Короткий разговор — и машина уехала.

Игорь смотрел ей вслед и мысленно складывал последние детали. Значит, Сухому привозят товар и забирают выручку. Он не сам по себе хозяин. Не паук, а всего лишь нить в чужой паутине. Притон, контора, рынок, завод — всё это звенья одной цепи. И держит её всё тот же Север.

У Игоря внутри поднялась тяжёлая, тёмная злость. Глядя на то, как Марину и таких, как она, превращают в бессловесный скот, как Сухой считает деньги, выжатые из чужой беды, он едва не сорвался. Почти физически захотелось зайти в этот барак прямо сейчас и разнести там всё к чертям.

Он стиснул зубы и заставил себя переждать, пока эта волна не схлынет. Опыт взял верх.

Действовать вслепую было нельзя. Убери он сейчас Сухого — что изменится? На его место тут же поставят другого. А сам Игорь только засветится, покажет, что вышел на след, и подставит и Марину, и брата, и мать. За Сухим стояли те, кто только и ждал его ошибки.

Когда стемнело, Игорь бесшумно поднялся и ушёл от барака, унося с собой новую важную деталь общей картины: лицо Сухого, его притон, условный стук, чужую машину, отлаженную схему обмена.

Он понял, что нашёл одно из самых больных мест. Через таких, как Сухой, Север держал на крючке самых слабых и незащитных. И спасти Марину можно было только одним способом — разорвать эту цепь.

Но сначала нужно было сделать другое. Сначала — вырвать её из этой ямы окончательно. Запереть, удержать, пережить вместе с ней самое страшное, пока отравы не выйдет из тела. Иначе она снова и снова будет возвращаться к этой двери, к условному стуку, к руке, протянутой из щели.

Игорь шёл домой через тёмный город и уже знал, что делать дальше.

Глава 17. Ломка

Выследив притон Сухого, Игорь понял простую и тяжёлую вещь: пока Марина в любой момент может прийти до того барака, постучать условным стуком и получить дозу через щель в двери, он будет терять её снова и снова. Сколько ни приводи её домой, сколько ни корми, ни береги — отравы всё равно окажется сильнее. И тогда он принял решение, которое далось ему одновременно и трудно, и легко. Запереть её. Удержать столько, сколько понадобится, пока эта дрянь не выйдет из организма.

Готовился он к этому как к долгой осаде. Освободил дальнюю комнату от всего лишнего, убрал всё, чем можно было пораниться. На дверь поставил крепкую щеколду. Заранее освободил для себя несколько дней, чтобы не отходить от неё ни на шаг. Матери и Оксане сказал коротко и прямо: будет тяжело, не пугайтесь криков. Антонина Павловна только перекрестилась, Оксана молча кивнула.

Когда Марину в очередной раз потянуло на окраину, Игорь остановил её прямо у порога.

— Пусти, — она дёрнулась, упёрлась ладонями ему в грудь. — Пусти, мне надо!

— Не пущу.

— Ты не имеешь права! — Она забилась, зацарапала ногтями его руки, голос сорвался на крик. — Игорёк, миленький, отпусти, мне плохо! Я только разок! Я вернусь!

— Не разок.

Он перехватил её крепко, но без грубости, поднял на руки ослабевшее тело и понёс обратно в дом. На его лице не было ни злости, ни жалости — только тяжёлая, холодная решимость человека, который всё для себя уже решил и назад не отступит.

В комнате он посадил её на кровать, сам сел у двери на табурет.

— Слушай меня, Марина. Отсюда ты не выйдешь. Пока не перетерпишь. Поняла?

— Не выйду? — Она вскинула на него мутные, расширенные глаза. — Ты что, правда меня запрёшь? Запрёшь?!

— Запру.

— Сволочь, — выдохнула она.

Но уже в следующую секунду тон её изменился. Она заговорила быстро, сбивчиво, почти заискивающе:

— Игорь, ну хочешь, я всё сделаю, как скажешь. Хочешь, на колени встану. Только отпусти. Один раз. Завтра сама брошу, честное слово, сама.

Игорь молчал. Он знал цену этим словам. Человек в ломке пообещает что угодно, лишь бы добраться до дозы. Он молча принимал всё, потому что понимал: начинается самое тяжёлое. С этой минуты комната стала полем боя, а он — тем, кто должен удержать рубеж до конца.

Первые часы Марина ещё как-то держалась. Ходила по комнате из угла в угол, как зверь в клетке, огрызалась, требовала, потом надолго замолкала и снова бросалась к двери. Но с каждым часом ей становилось всё хуже. То её бросало в жар, и она срывала с себя кофту, то в холод, и тогда она куталась в одеяло, стуча зубами. Всё тело ломило, суставы выкручивало. Игорь видел страдания раненых и контуженых, и теперь узнавал эту нарастающую муку.

Он подавал ей воду. Менял мокрые тряпки на лбу. Говорил спокойно и ровно, делая всё немногое, что было в его силах.

— Пей. Понемногу.

— Не хочу.

— Пей, Марина.

К ночи ломка вошла в полную силу. Марину рвало над тазом, её трясло крупной дрожью, всё тело покрывал липкий пот. Кожа шла мурашками, она то сжималась в комок на кровати, то снова металась, не находя себе места. Игорь только стискивал зубы. Смотреть на это было

страшнее, чем на многие раны: человек горел изнутри, прямо у него на глазах, а он ничем не мог погасить этот огонь. Только сидеть рядом и не отступать.

В бреду Марина то умоляла, то проклинала его.

— Достань... — шептала она пересохшими губами. — Игорёк, ну достань хоть чуть-чуть... я умру... слышишь? Я сейчас умру...

— Не умрёшь.

— Будь ты проклят! — Она вдруг кинулась на него, заколотила слабыми кулаками в грудь. — Ненавижу! Мучитель! Тебя бы так! Тебя бы на моё место!

Он принимал и мольбы, и проклятия молча. Не отстранялся, не спорил. Только перехватывал её руки, чтобы она не поранилась, и держал. Он знал: уступить сейчас — значит погубить её. Не сразу, но наверняка.

— Я тебе всё отдам, — снова заскулила она, обмякнув. — Всё... только маленький... один укол...

— Тихо, Марин. Я рядом.

А под утро, в самом тяжёлом бреду, сквозь боль и грязь вдруг начало проступать что-то другое.

— Мост... — забормотала она, глядя мимо него — будто в потолок, а будто в прошлое. — Помнишь мост? Ты уезжал... я платье надела, светлое... я тебе махала... Игорёк, ты вернулся? Правда вернулся?

Эти слова ударили его сильнее любых проклятий. Сквозь измученное, чужое лицо вдруг проступила та самая девушка, которую он помнил все эти семь лет. Та, что стояла на мосту. У него внутри всё сжалось, и вместе с этим пришли силы — упрямые, жёсткие, не дающие сдаться.

— Вернулся, Марин, — тихо сказал он, наклоняясь к ней. — Я здесь. Держись. Слышишь? Держись за меня.

На второй день Игорь понял, что один не справится. Позвал Оксану.

Она вошла тихо, без лишних слов. Принесла всё, что нашлось из лекарств, поставила капельницу, уверенно нашла вену на иссохшей руке. Обтёрла Марину влажным полотенцем, передела в сухое, напоила каким-то горьким отваром.

— Подержи ей голову, — сказала она Игорю. — Вот так. Не дёргай.

Женские руки делали то, чего он сам не умел. Игорь смотрел, как Оксана возится с Мариной — без брезгливости, без лишней жалости, спокойно, по-деловому и с тем особым женским состраданием, которое сильнее многих слов. И между этими двумя женщинами — одной измученной, другой сильной — протянулась первая тонкая ниточка участия. В доме стало ещё на одного человека больше, кто был готов бороться за чужую беду как за свою.

— Выживет? — тихо спросил Игорь, когда они ненадолго вышли в сени перевести дух.

— Если эту ночь выдержит — выживет, — так же тихо ответила Оксана. — Организм ещё молодой, должен справиться. Только бы душу не сломать. А это уже твоя забота, Игорь.

К концу самой тяжёлой ночи буря в теле Марины начала понемногу утихать. Дрожь стала слабее, дыхание выровнялось, метания прекратились. Она затихла, обмякла и провалилась в тяжёлый, но настоящий сон — не в забытьё и не в горячечный бред, а в сон. Игорь сидел рядом, осунувшийся, серый от усталости, и слушал, как она дышит. Ровно. Живо.

Самое страшное осталось позади — он это чувствовал. Впереди ещё была долгая дорога: недели, месяцы, возможные срывы, тоска, слабость. Но из пропасти, из той самой ямы у барака он её уже вытащил.

Под утро Марина очнулась.

Она открыла глаза — измученная, опустошённая, выжатая до дна. Но взгляд у неё был уже другим. Чистым. Ясным. Без той мутной пелены, без блуждающего тумана, который Игорь

видел в её глазах всё последнее время. Она медленно оглядела комнату. Посмотрела на Оксану, задремавшую на стуле у окна. На свет, пробивавшийся сквозь занавеску. На него.

И в её взгляде было что-то такое, словно человек только что вернулся с того света.

— Игорёк, — едва слышно прошептала она. — Я живая?

— Живая, — ответил он, и голос у него дрогнул. — Живая, Марин.

На её измученном лице едва заметно проступил слабый, дрожащий отблеск прежней жизни. Той самой, ради которой стоило просидеть у этой двери трое суток, выслушать все проклятия, выдержать все мольбы и не отступить.

Игорь смотрел на неё и понимал: одну битву он выиграл. Личную, свою. И эта победа — над чужой бедой, над отравой, над собственной слабостью — давала ему силы для всего, что ещё было впереди.

Глава 18. Долговая тетрадь

Марина после ломки лежала в дальней комнате — тихая, слабая, но живая. А Игорь без дела не сидел. Слова брата о кабальных долгах, в которые загнали чуть ли не полгорода, не выходили у него из головы ни днём, ни ночью. Он понимал: чтобы разобраться, как именно Север держит людей на крючке, нужно увидеть всё своими глазами — расписки, проценты, фамилии, суммы. Пока это только разговоры, до сути не докопаешься. А словами такого врага не возьмёшь.

Начать он решил с самого близкого — с дел собственной семьи.

Дождавшись, пока Виктор уйдёт на смену, Игорь сел разбирать домашние бумаги. Повод был вполне понятный: мать просила поискать старые справки на лечение, чтобы везти их в область. Он перебирал ящик стола, папки с пожелтевшими квитанциями, потёртые конверты, перевязанные нитками. Руки сами, по старой армейской привычке, раскладывали всё по порядку: отдельно платёжки, отдельно справки, отдельно письма. Но взгляд всё время цеплялся за то, что выбивалось из обычного домашнего хлама.

На самом дне ящика, под старыми газетами и квитанциями, пальцы наткнулись на что-то твёрдое. Игорь достал затёртую тетрадь в клеёнчатой обложке, перетянутую аптечной резинкой. Спрятана она была явно не случайно — так, чтобы лишний раз не попадалась на глаза, и чужой человек на неё не наткнулся. У Игоря сразу сработало чутьё. Он понял: вот оно.

Он сел у окна, поближе к свету, снял резинку и открыл тетрадь.

Страницы были исписаны рукой Виктора — мелко, плотно, как пишут люди, которые привыкли экономить бумагу. Даты, суммы, столбики цифр, короткие пометки на полях. Сначала Игорь не сразу понял, как всё устроено: записи шли не подряд, местами с пропусками, с какими-то условными значками. Но чем внимательнее он вчитывался, тем сильнее у него холодело внутри.

Это был учёт долга.

Виктор записывал, сколько взял, сколько отдал и сколько «набежало» сверху. И именно в этой последней графе скрывалось самое страшное. Игорь вёл пальцем по строчкам и видел одну и ту же картину: долг не уменьшался. Наоборот — рос. Медленно, но неотвратимо, месяц за месяцем. Как петля, которая затягивается всё сильнее, сколько бы человек ни бился.

Он быстро прикинул проценты в уме — и не поверил. Тогда пересчитал ещё раз, уже столбиком, прямо на полях старой газеты. Получалось что-то чудовищное. За небольшой заём — тот самый, который Виктор когда-то взял на лечение матери, чтобы отвезти её к нормальным врачам, — брат уже отдал вдвое больше первоначальной суммы. И всё равно, по этим записям, оставался должен ещё больше, чем взял в самом начале.

— Это как вообще?.. — тихо проговорил Игорь, не отрывая взгляда от цифр.

Проценты были рассчитаны так, что расплатиться было невозможно в принципе. Сколько ни плати — долг всё равно продолжает расти. Это была не помощь человеку в беде. Это была ловушка. Человека специально затягивали глубже и глубже, чтобы он работал до изнеможения и всё равно оставался должен. Не цепь на ногах, а расписка в кармане — но смысл тот же.

Игорь листнул дальше — и наткнулся на то, чего совсем не ожидал.

На последних страницах Виктор записывал не только своё. Там были и чужие долги: фамилии, клички, суммы. Соседи, мужики из бригады, знакомые с улицы. Видно, как бригадир, он понемногу собирал сведения и о других — кто у кого занял, сколько должен, под какой процент.

Игорь всматривался в этот список и узнавал людей. Вот Кравцов — тот самый отец невесты со свадьбы, который дрожащими руками передавал деньги бандитам. Вот пожилой слесарь

из заводской курилки, с которым он как-то делил сигарету. Вот фамилия одной из женщин от водоклонки. За каждой строчкой стоял живой человек, которого медленно душили долгами.

Картина, которую Игорь всё это время складывал по кусочкам, вдруг стала ясной и страшной. Вот чем на самом деле держали Гранитный. Не только страхом и силой. Бумагами. Цифрами. Долгами.

Он стал ещё внимательнее читать пометки на полях. И там нашлось кое-что важнее самих фамилий. Виктор записывал не только суммы, но и через кого передаются деньги, кому их несут, кто выписывает проценты. Среди этих коротких заметок мелькали знакомые приметы людей из конторы. Была даже короткая запись про какой-то автосервис — похоже, именно туда стекались платежи.

Теперь стало ясно: тетрадь — это не просто личный учёт беды. Это настоящая ниточка, тонкая, но вполне реальная, ведущая к самому сердцу денежной машины Севера.

В этот момент за окном послышался знакомый рокот мотора. Виктор вернулся со смены раньше обычного.

Игорь не стал прятать тетрадь. Он остался сидеть у окна, держа её на коленях, и стал ждать.

Виктор вошёл в дом, увидел в руках брата клеёнчатую обложку — и сразу побледнел. На осунувшемся лице сначала мелькнул испуг, а потом почти сразу — злость.

— Где ты это взял? — Он шагнул вперёд и протянул руку. — Дай сюда. Это не твоё.

— Сядь, Вить.

— Дай сюда, я сказал! — Виктор рванулся к тетради. — Кто тебе вообще позволил в моих бумагах рыться?

Но Игорь не отдал. Он спокойно положил тетрадь на стол и накрыл её ладонью.

— Сядь, — повторил он ровно, не повышая голоса. — И объясни мне всё до конца.

Виктор несколько секунд стоял, тяжело дыша и сжимая кулаки. Потом будто сдулся. Отодвинул табурет, тяжело сел, провёл здоровой рукой по лицу.

— А что тут объяснять, — глухо сказал он. — Сам, наверное, уже всё понял. Взял на мать. А дальше покатилося.

— Ты уже вдвое больше отдал, — тихо сказал Игорь. — А долг всё растёт.

— Растёт, — с горькой усмешкой подтвердил Виктор. — Он у всех растёт. В этом весь смысл. Ты его никогда не закроешь. Будешь пахать на них до самой смерти.

— А чужие записи зачем? — Игорь кивнул на последние страницы. — Соседи, бригада, знакомые. Зачем ты это собирал?

Виктор опустил взгляд на стол и долго молчал. Потом поднял глаза на брата — и в них уже не было злости. Было что-то другое.

— Сам не знаю, — наконец сказал он. — Записывал и записывал. Наверное, думал, что когда-нибудь это может пригодиться. Что найдётся человек, которому можно будет это показать. Что когда-нибудь за всё это с них спросят. — Он усмехнулся безрадостно. — Глупость, наверное. Сидел, цифры выводил, как мышь в углу. И что с того?

— Это не глупость, Вить, — сказал Игорь.

Теперь он смотрел на потёртую тетрадь уже совсем иначе.

Для тех, кто был загнан в долги, эти страницы были приговором — счётом, который невозможно оплатить. Для Севера — удобной удавкой, заброшенной на полгорода. Но в руках человека, который не боится, такая тетрадь становилась уже не просто бумагой. Она превращалась в оружие. В доказательство.

— Это не глупость, — повторил Игорь. — Ты, сам того не понимая, два года собирал улики. Понимаешь?

Виктор посмотрел на него с недоверием.

— Здесь всё есть, — Игорь постучал пальцем по обложке. — Кто, кому и сколько должен. Под какой процент. Через кого идут деньги. Куда всё стекается. Это уже не просто наши с тобой беды. Это след. И он ведёт вверх.

— Ну и что дальше? — мрачно отозвался Виктор. — Кому ты это покажешь? Милиции? Да она сама у него на поводке. Напишешь заявление — оно по дороге исчезнет, а нас потом просто прикопают где-нибудь.

— Не сейчас, — сказал Игорь, снова перетягивая тетрадь резинкой. — Сейчас ещё рано. Но придёт время, когда будет кому это показать. И тогда эта тетрадь будет дороже золота.

Он поднялся и прошёлся по комнате, прикидывая, куда её спрятать. В стол класть уже нельзя — туда явно могли полезть. Нужно было надёжное место, куда чужая рука не доберётся. Теперь он очень хорошо понимал цену этой находке.

Виктор смотрел на брата, и на его усталом лице медленно проступало что-то давно забытое. Это ещё не была надежда. Но уже что-то очень похожее на её слабый, осторожный отблеск.

— Ты правда думаешь?.. — начал он и осёкся.

— Думаю, — твёрдо ответил Игорь. — Только теперь эту тетрадь нужно беречь как зеницу ока. За такие бумаги, Вить, убивают. Поэтому никому ни слова, что она у нас есть. Понял?

Виктор молча кивнул.

Игорь спрятал тетрадь туда, где её не нашли бы даже при обыске. И пока прятал, ясно понимал главное.

Он нащупал не просто петлю, которой душили город. Он нащупал слабое место самого Севера. Потому что вся его власть держалась на деньгах.

Глава 19. Визит «вежливости»

Утро выдалось редким — тихим. Марина понемногу отходила после ломки: сидела на крыльце, кутаясь в мамину кофту, и молча смотрела, как солнце медленно ползёт по двору. Антонина Павловна хлопотала у печи, звенела ухватом. Виктор собирался на смену, в сенях проверял свою замасленную сумку с инструментами.

Игорь колот дрова. Спокойно, без спешки. Топор с глухим стуком входил в чурбак, раскалывал его надвое, и поленья разлетались по сторонам. Руки делали привычную работу, а сам он, по старой фронтальной привычке, всё время прислушивался к улице: где скрипнула чужая калитка, где залаяла собака, где проехала машина — и не та ли это машина.

Снаружи всё выглядело мирно. Но внутри у него оставалось напряжение. Он чувствовал: это затишье ненадолго. По городу уже поползли слухи — младший Завьялов вернулся, никому не кланяется, суёт нос не в своё дело. Такое просто так не оставляют.

Ответ пришёл среди бела дня.

С улицы донёсся сытый, ровный гул мотора. Знакомый. Та самая чёрная машина с тонированными стёклами, что недавно медленно проползала под их окнами. Только теперь она не проехала мимо, а остановилась прямо у калитки. Демонстративно, не скрываясь.

Антонина Павловна выглянула в окно, сразу побледнела и торопливо перекрестилась. Виктор застыл на пороге, так и не выпустив из руки сумку.

Игорь опустил топор. Не воткнул в чурбак, не бросил — просто опустил вдоль бедра и повернулся к воротам.

Хлопнули дверцы. Скрипнула калитка.

Первым во двор вошёл тот самый человек, которого Игорь уже видел у конторы. Жила. Подтянутый, собранный, с цепким, холодным взглядом. Держался он так, будто уже считал этот двор своим. За ним вошли двое крепких парней в кожанках. Жила лениво оглядел двор — сарай, поленницу, бельё на верёвке, — поправил манжет и неспешно двинулся по дорожке.

Явилась не мелкая шпана. Приехала правая рука Севера.

— Доброе утро, хозяева, — сказал Жила с вежливой, словно приклеенной улыбкой. Голос у него был мягкий, почти ласковый. — Дрова колешь? Хорошее дело. Зима скоро.

Игорь молчал.

— Я ведь по-соседски зашёл, — продолжил Жила, медленно прохаживаясь по двору и поглядывая на окна. — По-доброму, без всякого зла. Как здоровье Антонины Павловны? Слышал, прихворала. — Он сочувственно покачал головой. — Болеть сейчас дорогое удовольствие. Врачи, лекарства, поездки в область... Денег уходит — мама не горюй. Откуда у простой семьи такие деньги, правда?

Каждое его мягкое слово было обёрнуто в холодный расчёт. За этой вежливостью Игорь сразу слышал угрозу — так же ясно, как человек на войне различает мину под слоем хвои.

— Крепкий у вас дом, — Жила постучал костяшками пальцев по столбу навеса. — Хозяйский. Жалко было бы такой потерять.

— Говори прямо, зачем пришёл, — ровно сказал Игорь.

Жила улыбнулся шире, будто только этого и ждал.

— Вот, уже разговор. — Он остановился и заложил руки за спину. — Семье вашей сейчас тяжело. Долги душат — у Виктора, я знаю, набежало прилично. Мать болеет. Завод стоит. Нелегко вам, согласись. Но зачем мучиться? Есть люди понимающие. Продайте свою долю, заводские паи. Вам заплатят по-честному, помогут с лечением. И будете жить спокойно — без долгов и без проблем.

Говорил он почти дружелюбно. Но смысл был прост и ясен: отдайте всё сами, пока это не отобрали силой.

Виктор стоял на крыльце, и Игорь видел, как в нём борются злость и страх. По скулам ходили желваки, перебинтованная рука дрожала. Он слишком хорошо понимал цену таким «предложениям» и прекрасно знал, чем может закончиться отказ.

— Это наше, — глухо начал Виктор, шагнув вперёд. — И никто его...

Но Игорь, даже не оборачиваясь, едва заметно остановил его движением руки. Молчи. Не лезь. Сейчас говорю я.

Виктор осёкся, сжал зубы и остался на месте.

А дальше Игорь сделал то, чего Жила явно не ожидал.

Он спокойно посмотрел ему в глаза и молча, чуть заметно улыбнулся уголком губ. Без страха. Без злости. Без суеты. Это была спокойная, уверенная улыбка человека, которого не удалось ни напугать, ни сбить с толку.

Жила на мгновение потерял ритм. Он, наверное, рассчитывал увидеть страх, торг, оправдания, может быть — вспышку дерзости. На дерзость у него ответ был заготовлен. Но вместо этого наткнулся на спокойствие и внутреннюю силу. На стену, о которую его привычные слова просто не цеплялись. Улыбка у него на лице на секунду дрогнула. Один из парней за спиной неловко переступил с ноги на ногу.

— Ты чего улыбаешься? — прищурился Жила. — Не понял, что ли?

Игорь продолжал молчать.

— Понял, — коротко сказал он наконец. И снова замолчал.

Жила пожевал губами. Улыбка осталась, но в голосе уже проступила сталь.

— Я ведь к тебе по-хорошему, Завьялов. — Он понизил голос, посмотрел на дом и снова на Игоря. — Ты, я смотрю, с войны приехал весь такой гордый, учёный. Только жизнь устроена просто. Мать у тебя совсем слабая, ей бы покой нужен. Жена у брата — фельдшер, всё по тёмным улицам бегают, по вызовам. А у нас в городе всякое бывает. То человек оступится, то под машину попадёт, то ещё что-нибудь. Беда не предупреждает.

Он не угрожал напрямую. Просто бросал тяжёлые намёки — про мать, про Оксану — и внимательно смотрел, как они ложатся.

Игорь выслушал всё, не дрогнув ни единым мускулом. Лицо его оставалось спокойным. Работали только глаза.

Пока Жила говорил, Игорь делал своё дело — тихо и незаметно. Запоминал его лицо, манеру держаться, голос, привычку растягивать слова. Перстень с тёмным камнем на пальце. Номер машины за калиткой. То, как стоят его люди: один справа и чуть впереди — старший из двоих; второй держится немного позади и время от времени посматривает на улицу. Где под куртками угадывается тяжесть. Кто первым потянется, если начнётся драка.

Жила думал, что давит. А сам, не замечая этого, показывал себя во всех деталях. Игорь складывал в память каждое слово и каждый жест — туда же, где уже лежали лица от конторы, от завода, со свадьбы.

— Что молчишь? — спросил Жила, склонив голову набок. — Согласен подумать?

— Я тебя услышал, — ответил Игорь.

И опять ничего больше. Ни согласия, ни отказа. Ни обещаний, ни спора. Только спокойный, тяжёлый взгляд.

Жила ещё немного постоял. Понял, что сегодня не получит ни страха, ни покорности. Стена. Но, по его мнению, он своё сделал: намекнул, припугнул, дал понять, кто здесь хозяин.

— Ну, думайте, — бросил он, поворачиваясь к калитке. — Даю вам время. Подумайте, как следует, по-семейному. И вот ещё что, Завьялов. — Уже у ворот он остановился, обернулся и внимательно, оценивающе посмотрел на Игоря, словно делал для себя какую-то пометку. — Не делай глупостей. Город маленький. Все на виду.

Он сел в машину. Парни быстро забрались следом. Иномарка рванула с места, обдала двор сизым выхлопом и покатила прочь, оставив после себя пыль и тяжёлую, звенящую тишину.

Игорь стоял и смотрел ей вслед, пока звук мотора не исчез за поворотом.

— Чего ты молчал?! — Виктор сорвался с крыльца, подскочил к нему, весь в красных пятнах. — Он же про Оксану, про мать говорил... А ты стоишь и улыбаешься! Надо было...

— Что надо было? — спокойно перебил его Игорь, поворачиваясь. — Устроить драку с тремя у себя во дворе? На глазах у матери? Чтобы завтра ночью дом подожгли?

Виктор осёкся, захлебнулся словами.

— Сядь, Вить. — Игорь наконец воткнул топор в чурбак. — Они приехали посмотреть, кто я такой. Если бы я испугался — дальше давили бы страхом. Если бы полез в драку — списали бы на психа и тут же убрали. А я им не дал ни того, ни другого. Пусть теперь думают.

В кухонном окне белело испуганное лицо матери. На крыльце неподвижно стояла Марина, прижав руки к груди.

Игорь смотрел в конец улицы, где ещё не успела осесть пыль. Первый ход был сделан. Теперь Север знал главное: в городе появился человек, которого нельзя ни купить, ни запугать. А сам Игорь за это короткое утро успел узнать не меньше — лицо врага, его манеру, его слабые места.

— Ничего, — тихо сказал он, больше самому себе. — Познакомимся поближе.

Глава 20. Сдержанность

После визита Жилы по Гранитному быстро поползли слухи. Говорили, что к Завьяловым приезжала сама правая рука Севера, при всех во дворе разговаривала, а младший — ни в какую. Не дрогнул, не сломался, даже слова поперёк не сказал. Стоял себе, колол дрова и только усмехался. Соседи, которые раньше старались лишний раз не смотреть в его сторону, теперь поглядывали на Игоря иначе — не только со страхом, но и с осторожным, недоверчивым интересом. Город начал обсуждать чужака, который не захотел гнуть спину.

А в конторе у Дома культуры, Жила докладывал хозяину.

— Ну? — Север сидел за столом и постукивал пальцами по столешнице. — Что за человек этот Завьялов?

— Странный, — Жила пожал плечами, явно не находя точных слов. — Не боится. Не торгуется. Я ему всё выложил — и про мать, и про жену брата. А он молчит и улыбается. Как будто я с ним о погоде говорю.

— Молчит, значит, — хмуро повторил Север.

— Молчит.

Север ничего не ответил. Люди, которых невозможно сразу прочитать, тревожили его сильнее любых крикунов. Крикуна он понимал. Дерзкого мог быстро сломать. А за этого было не за что зацепиться.

Игорь, в отличие от них, хорошо понимал главное: вся сила таких, как Север, держится на чужом страхе. Они привыкли к двум вещам. Или человек ломается и платит. Или срывается, лезет в драку — и тогда его показательно давят, чтобы остальные видели и боялись. А спокойствие и молчание выбивали у них почву из-под ног. И Игорь решил бить именно в это место: не давать им ни страха, ни повода.

На людях он держался как обычный солдат, вернувшийся домой. Колол дрова, починил покосившийся забор, ходил с вёдрами к колонке, перекидывался с соседями пустыми словами о погоде и об урожае. Не угрожал, не собирал мужчин по углам, не качал права. Со стороны — тихий, безобидный человек, занятый домом и больной матерью. Но за этой внешней простотой работал холодный, точный расчёт человека, умеющего усыплять чужую бдительность.

Север решил проверить его ещё раз. Подослал мелкую шпану — тех самых наглых парней, что крутились у магазина. Игорь возвращался с водой, когда они нагнали его на углу.

— О, смотри, водонос, — один толкнул его плечом, так что из ведра выплеснулась вода. — Куда прёшь, не видишь?

Игорь спокойно поставил вёдра на землю.

— Ты Завьялов, что ли? — второй обошёл его кругом, разглядывая в упор. — А правда, что ты Колотую к себе притащил? Делишься? Она баба ходовая, по рукам ходила.

Он ждал, что Игорь сорвётся. Ему нужна была вспышка. Но Игорь только смотрел на него спокойно, без злости, и молчал.

— Ты что, глухой? — парень подошёл ближе. — Или язык проглотил, как все здесь?

— Вы воду разлили, — негромко сказал Игорь. — Мне за новой идти.

Он поднял вёдра и пошёл дальше. Не отвернулся, как трус, не сжался — просто пошёл по своим делам, будто этих двоих вообще не существовало. Парни остались стоять на месте, переглянулись, сплюнули ему вслед. Уходили они уже растерянными, не понимая, кто перед ними: трус или человек похуже.

Виктор тактику брата не понимал и злился. То требовал, чтобы тот наконец дал отпор, то, наоборот, умолял совсем затихнуть и не дразнить зверя.

— Они тебя за тряпку держат, — раздражённо шипел он вечером на кухне. — Над тобой скоро весь город смеяться начнёт. Дал бы хоть раз кому-нибудь в зубы.

— И что потом, Вить? — спокойно спросил Игорь, нарезая хлеб. — Дам в зубы одному — завтра приедут пятеро. Сарай сожгут. Тебя на заводе избыбют. Им только повод нужен. А я им его не даю.

— Тогда сиди тихо совсем! Чего ты всё ходишь, светишься?

— Совсем затаиться — тоже не выход, — Игорь отложил нож. — Сейчас не время кулаками махать. Сначала надо их вымотать. Пусть не понимают, кто я, чего хочу и чего жду. Надо выиграть время. А сила потом пригодится.

Виктор слушал, но легче ему от этого не становилось.

Игорь чувствовал, что за ним следят. Люди Севера присматривали: куда он ходит, с кем говорит, чем живёт. Он воспринимал это как должное и вёл свою игру. Показывал ровно то, что хотел показать. Водил наблюдателей за собой по самым пустым, безобидным маршрутам — то в аптеку, то к колонке, то на кладбище к могиле отчима. Опытный разведчик, он и здесь умел использовать чужое внимание в свою пользу. Подсовывал врагу пустоту, а сам в это время изучал тех, кто его пас: кто где стоит, как меняются, откуда появляются и куда исчезают.

И постепенно спокойная твёрдость Игоря начала рождать в людях то, чего Север боялся сильнее открытого бунта, — робкую, недоверчивую надежду. Пожилой слесарь у заводской курилки, увидев его, кивнул чуть теплее, чем раньше. Женщины у колонки переставали шептаться и провожали его уже не только испуганным, но и уважительным взглядом. Мужики из бригады Виктора порой позволяли себе сказать при нём чуть больше, чем обычно говорили в присутствии посторонних. Никто не произносил ничего вслух. Но в воздухе уже появилось новое чувство: оказывается, можно не ломаться. Игорь, сам того не выставляя напоказ, становился живым укором всеобщему страху.

Однажды Михеевна у лотка с зеленью сунула ему пучок укропа и не взяла денег.

— Бери, бери, — тихо сказала она. — За то, что не кланяешься. Хоть посмотреть на такого приятно.

И тут же испуганно оглянулась, будто сама испугалась собственных слов.

Север, не сумев ни купить Игоря, ни запугать, ни спровоцировать, решил сменить тактику. Сидя в конторе, он мрачно рассуждал вслух при Жиле:

— В лоб к нему не подберёшься. Он не ведётся. В драку не лезет, денег не берёт, не боится. — Север побарабанил пальцами по столу. — Значит, надо узнать о нём всё. Где служил. Чему обучен. За кого у него душа болит. У каждого есть слабое место.

— Мать, — сказал Жила. — Брат. И эта девка.

— Вот с этого и начнём, — кивнул Север. — Не напролом. Через больное место.

Хозяин города привык бить именно туда, где больнее всего. И теперь он искал такую точку у Игоря. Тихая война между ними входила в стадию осторожного, холодного прощупывания.

Снаружи в Гранитном всё оставалось по-прежнему. Та же серая пыль висела над крышами. Те же деньги текли в чужие карманы. Те же машины стояли у конторы. Но под этим внешним затишьем копилось напряжение, и Игорь чувствовал его почти физически. Две силы присматривались друг к другу, ходили кругами, не делая первого открытого шага. Каждый ждал, кто сорвётся первым.

Вечером Игорь стоял во дворе, смотрел на тёмные крыши, на слабый дым над дальними трубами карьера и ясно понимал: одной выдержкой этот город не спасти. Можно какое-то время водить врага за нос — неделю, месяц, может, дольше. Но не бесконечно. Рано или поздно Север или нащупает слабое место, или ударит первым. А в одиночку с таким противником не справиться, как ни хитри.

Игорь сунул руки в карманы. Под рубаху уже забирался сырой осенний холод.

Всё чаще он думал об одном — о людях, на которых можно по-настоящему опереться. О старых боевых товарищах. О тех, с кем он прошёл через огонь и кому не нужно ничего объяснять.

Он ждал терпеливо, хотя это затишье выматывало его не меньше, чем самого врага. И всё яснее понимал: пора звать своих.

Глава 21. Опер Громов

Утром Игорь пошёл в центр Гранитного. У матери закончились лекарства, рецепт лежал у него в кармане. Заодно он решил посмотреть на город в обычный будний день, при свете, когда люди спешат по делам и лучше видно, кто как живёт.

По привычке он внимательно смотрел по сторонам. Кто куда идёт, у чьих ворот стоят чужие машины, где прохожие жмутся к стенам и стараются не поднимать глаз — всё это само собой откладывалось у него в памяти.

У знакомого магазина с зеркальными окнами он услышал шум. Двое наглых парней из людей Севера прижали к стене пожилого мужчину. Один держал его за грудки, второй стоял рядом и лениво шевелил пальцами.

— Где деньги, дед? — процедил первый. — Уже месяц обещаешь. У тебя терпение кончилось — у нас тоже.

Старик дрожал, мял в руках кепку.

— Нет пока, сынки. Пенсию ещё не дали. Отдам, как только...

— «Как только», — передразнил его парень. — Ты нам сказки не рассказывай.

Прохожие быстро обходили их стороной, опустив головы. Никто не остановился. В этом городе давно привыкли не замечать чужую беду.

И тут сбоку, без суеты, подошёл мужчина в штатском. Крепкий, лет сорока, в потёртой куртке. Он встал между стариком и бандитами и спокойно оттеснил старика себе за спину.

— Хватит, — сказал он негромко. — Отпустили человека и пошли отсюда.

Игорь замедлил шаг, остановился у столба и стал наблюдать.

Незнакомец держался так, словно за ним стояло право. Без лишних движений, без крика. Взгляд жёсткий, голос ровный.

— А ты кто такой? — первый парень отпустил старика и повернулся к нему. — Жить надоело?

— Иди отсюда, пока цел, — добавил второй.

— Я-то уйду, — спокойно ответил мужчина. — И вы тоже. По-хорошему.

— Ты вообще знаешь, под кем мы ходим? — парень шагнул ближе, пытаясь давить.

Мужчина сунул руку в карман, достал удостоверение и на секунду показал его.

— Капитан Громов. И я прекрасно знаю, под кем вы ходите. Даже лучше, чем вы сами. Ещё вопросы?

Парни переглянулись. Один сплюнул под ноги.

— Капитан, значит, — протянул он с усмешкой. — Ну-ну. Ещё пожалеешь, капитан. Лагута тебе быстро объяснит, кто ты такой.

— Свободны, — так же спокойно сказал Громов.

Парни нехотя отступили, ругаясь сквозь зубы, и пошли к машине у обочины. Хлопнули дверцы.

Игорь смотрел и не сразу поверил. Милиционер действительно заступился за человека — не для вида, а по-настоящему. В этом городе такое было редкостью.

Громов помог старику отойти от стены, отряхнул ему рукав.

— Иди домой, Кузьмич. И больше к этим не лезь. Лучше ко мне приходи, чем к ним.

— Спасибо, сынок, спасибо, — забормотал старик и, кланяясь, поспешил прочь.

Громов проводил его взглядом, потом обернулся — и сразу заметил Игоря. Единственного, кто не отвернулся и не прошёл мимо. Он стоял у столба и смотрел прямо.

Они встретились взглядами. Опытный оперативник сразу считал главное: выправку, спокойствие, привычку держать лицо под контролем. Не случайный прохожий. И точно не забытый местный мужик.

Игорь тоже быстро понял, что перед ним за человек. Под внешней жёсткостью чувствовалась усталость. Усталость одиночки, который тянет слишком многое и давно не ждёт помощи. Между ними сразу возникло молчаливое узнавание.

Громов подошёл и остановился в паре шагов.

— А ты чего не убежал, как все? — спросил он прямо. — Стоишь, смотришь. Интересно?

— Стою, — спокойно ответил Игорь. — Смотрю. Это не запрещено.

— В нашем городе и за просто «смотрю» можно неприятностей нажить, — прищурился капитан. — Ты кто вообще? Не местный, вроде. Хотя лицо знакомое.

— Местный. Завьялов. Игорь.

Громов чуть кивнул, будто что-то для себя подтвердил.

— Завьялов. Младший. — В голосе у него мелькнуло узнавание. — Тот самый, что с войны вернулся. Слышал про тебя. Говорят, к тебе Жила приезжал, а ты и глазом не моргнул.

— Говорят много.

— Это да, — согласился Громов, ещё раз внимательно оглядев его. — Только в нашем городе геройствовать опасно. Здесь не любят тех, кто не склоняет голову. Сегодня ты герой, а завтра тебя из речки выловят. Сидел бы тихо.

— Я и так тихо живу, — ровно ответил Игорь, не раскрывая ни мыслей, ни намерений. — Дрова колю. За мать ухаживаю.

Капитан хмыкнул. Парень был немногословный, неглупый и явно не из тех, кого легко согнуть.

— Дрова, значит, — с лёгкой усмешкой повторил он. — Ну-ну.

За этой жёсткой манерой Игорь уловил другое — усталую горечь человека, который каждый день видит беспредел и почти ничего не может изменить. В словах капитана чувствовалась злость, но не на Игоря, а на собственное бессилие.

Игорь это понимал. Так выглядит человек, которого оставили одного держать рубеж — без поддержки, без связи, без уверенности, что свои вообще придут. Между ними протянулась тонкая нить понимания, которую не нужно было объяснять словами.

— А вы зачем вмешались? — спросил Игорь. — Здесь, я смотрю, за людей никто не вступается.

Громов немного помолчал.

— Работа у меня такая, — коротко ответил он. — Закон.

— Закон, — повторил Игорь. И тихо добавил: — Тяжело, наверное, одному этот закон держать, когда вокруг все под другими ходят.

Капитан резко поднял на него глаза. Слишком точные слова. Слишком близко к больному месту.

Оба сразу почувствовали, что разговор уже затянулся. Улица была почти пустая, но чужие глаза могли быть, где угодно: кто-то мог смотреть из окна, кто-то — обернуться с того конца дороги.

— Ладно, — Громов сделал шаг назад и заговорил суше. — Бывай, Завьялов. И мой тебе совет: держись от всего этого подальше. Так целее будешь.

— Учту.

Капитан уже повернулся, чтобы уйти, но потом остановился и, будто, между прочим, бросил через плечо:

— Если вдруг... станет интересно. По какому-нибудь делу. Отдел знаешь где. Спросишь Громова.

— Знаю, — ответил Игорь.

Никто ничего прямо не говорил и ни о чём не договаривался. Каждый держал своё при себе. Громов присматривался к человеку, который не отвёл глаз и не побежал. Игорь — к редкому для этого города человеку: честному милиционеру, которого не купили и не сломали.

Прямого союза между ними ещё не было. Но дверь уже приоткрылась.

Громов пошёл дальше по улице — крепкий, немного сутулый, одинокий. Игорь смотрел ему вслед и обдумывал эту встречу.

И понимал главное. Да, гниль добралась до милиции глубоко — но не до конца. В этом продажном мире, где закон давно работал на Севера, нашёлся хотя бы один человек с совестью. Один человек, который вступился за старика просто потому, что не мог пройти мимо.

Это многое меняло. До сих пор Игорь считал отдел частью вражеской системы — продажной, опасной и чужой. Теперь у него появилась зацепка. Тонкая, ненадёжная, но настоящая. Человек внутри этой системы, который был не на их стороне.

Игорь глубже засунул рецепт в карман и пошёл к аптеке. Это знание он убрал в памяти подальше — как патрон, оставленный про запас на чёрный день. Сейчас воспользоваться им было нельзя. Он даже не знал пока, можно ли доверять капитану до конца.

Но в нужный момент такой союзник мог решить многое. Человек с удостоверением, который не побоялся заступиться. Человек, который, как и сам Игорь, держал свой одинокий рубеж и, возможно, сам того не понимая, ждал, когда рядом появятся свои.

«Громов», — мысленно повторил Игорь, запоминая имя, лицо, усталые глаза и спокойный голос.

Глава 22. Стена

После той встречи у магазина Игорь решил проверить капитана всерьёз. Один милиционер, который не побоялся заступиться за старика, — это уже зацепка. Но что за ней стоит? Случайный порыв или человек, на которого действительно можно опереться? Чтобы это понять, нужно было поговорить с глазу на глаз, без свидетелей и чужих ушей.

В отдел Игорь не пошёл. Явиться туда открыто — всё равно что самому повесить на себя мишень: коридоры, дежурный на входе, чьи-то любопытные взгляды. По старой армейской привычке он сам выбрал место для разговора — глухой проулок за гаражами, через который Громов иногда шёл домой после службы. Узкий тупик, заваленный ржавым железом, не видный ни с улицы, ни из окон. Игорь два вечера подряд приходил туда, наблюдал, в какое время появляется капитан, один ли идёт, как держится. На третий вечер дождался.

Громов шёл, чуть ссутулившись, засунув руки в карманы потёртой куртки. Вид у него был усталый, задумчивый. Игорь вышел из тени не резко, чтобы не спугнуть, — просто оказался у него на пути.

— Капитан.

Громов сразу остановился. Рука у него дёрнулась к боку — сработала мгновенная, натренированная реакция, — но, узнав Игоря, он немного расслабился. Не до конца. Быстро огляделся по сторонам привычным цепким взглядом.

— Завьялов, — усмехнулся он без особой радости. — Ты что, правда здесь меня караулил? Место, конечно, выбрал с умом.

— Надо поговорить.

— О чём нам с тобой говорить?

Игорь подошёл ближе, прислонился плечом к холодной стене гаража. Заговорил вроде бы спокойно, издали: о том старике, за которого Громов вступился, о том, как живёт город, о людях, которые у колонки шепчутся, а вслух сказать боятся.

Громов отвечал сухо и коротко. То и дело поглядывал на выход из проулка, на тёмные окна ближайших домов. Оба понимали, насколько опасно в Гранитном сказать лишнее. Здесь и стены будто слушали. За неосторожный разговор можно было дорого заплатить. Но Игорь чувствовал: за этой внешней сдержанностью у капитана скрывается другое. Ему самому давно хотелось выговориться — не кому попало, а человеку, который не испугается, не отведёт глаза и не побежит стучать.

Наконец Громов оборвал этот осторожный разговор и резко спросил в лоб:

— Ты чего от меня хочешь, Завьялов? Ходишь вокруг да около, про стариков, про жизнь в городе. Говори прямо. Чего тебе надо? Зачем ты вообще лезешь туда, откуда нормальные люди стараются держаться подальше?

Игорь помолчал, а потом ответил прямо, без обходных слов — так говорят только тогда, когда действительно решают довериться.

— У меня мать больная. Брату на заводе руку перебили. Девушку, которую я с войны помнил, посадили на дрянь и пустили по рукам. — Он говорил спокойно, но тяжесть в голосе чувствовалась сразу. — Город душат, капитан. Прямо среди бела дня. А все молчат и смотрят в землю. Я семь лет видел, как под такой же пятой погибаются чужие сёла. И здесь стоять, и молча смотреть не смогу. Не умею.

Громов долго смотрел на него, словно взвешивал каждое слово. Искорка подозрения в глазах ещё держалась — он искал фальшь, подвох, игру. Но не находил. Что-то в этой прямооте оказалось сильнее его настороженности. Он отвёл взгляд и устало провёл ладонью по лицу.

— Дурак ты, — сказал он наконец. Но без злобы. — Хотя... таких здесь уже почти не осталось. Все теперь умные. Все хотят просто выжить.

Он помолчал ещё немного, а потом заговорил уже по-другому — глухо, тяжело, с той накопившейся болью, которую давно носил в себе. И сказал вслух то, о чём Игорь и сам догадывался, но что всё равно было тяжело услышать.

— Милиция здесь куплена. Вся, понимаешь? — Он горько усмехнулся. — Не пара оборотней, не один-два продажных урода. Вся верхушка отдела работает на Севера. Закон в Гранитном давно уже не закон. Это просто ещё одна дубинка в его руках. Захочет — посадит. Захочет — отпустит. Захочет — убьют человека, а потом спишут всё на несчастный случай.

Слова ложились тяжело и подтверждали худшие подозрения. Игорь слушал молча, не перебивая.

— Как это у них устроено? — тихо спросил он.

— Очень просто. — Громов сплюнул под ноги. — Приходит человек, пишет заявление. Избитый, ограбленный, запуганный. Уходит с надеждой: мол, теперь хотя бы разберутся. А потом эта бумага просто исчезает. Теряется где-то по дороге. Не доходит до дела — и всё. Регистрация, проверки, внутренние ходы — всё давно подстроено так, чтобы любая жалоба растворилась без следа. — Он покачал головой. — Здесь через закон бороться — всё равно что кулаком по воде бить.

— А если есть свидетели? Если кто-то видел и готов сказать?

— Свидетели потом «передумывают», — с отвращением ответил капитан. — Кого-то припугнут. Кому-то намекнут: у тебя, мол, мать старая, дети маленькие, смотри, как бы беды не случилось. Кого-то просто отмутузят для острастки. И на следующий день человек приходит, глаза в пол, и тихо отказывается от собственных слов. После этого дело само рассыпается. — Он посмотрел на Игоря. — Всё тот же страх, который держит весь город. Только теперь ты знаешь, чьими руками он работает.

Игорь узнавал этот почерк. Тот же самый, который видел на рынке, на свадьбе, в дрожащих руках матери. Север не просто купил милицию — он сделал закон своим оружием.

— А кто всем этим управляет? — спросил Игорь. — У такой системы должен быть хозяин.

Громов понизил голос почти до шёпота, хотя в проулке, кроме них, никого не было.

— Лагута. Подполковник. Начальник отдела. — Имя прозвучало как приговор. — Это он прикрывает всю банду. Это через него пропадают бумаги. Это он держит всех нас в кулаке — кого деньгами, кого страхом. Работать под ним — значит служить не закону, а Северу. — Громов стиснул зубы. — Я двадцать лет в форме. Думал, хоть под конец службы нормально дослужу. А выходит, что только прислуживаю.

Игорь молча запомнил имя. Лагута. Ещё одна важная фигура легла на ту внутреннюю карту врага, которую он давно строил у себя в голове. Не уличная мелочь, не сборщик долгов — человек с печатью, с властью и с погонами.

Но, слушая капитана, Игорь видел не только устройство этой системы. Он видел и самого Громова — насколько тот одинок. Один честный человек в прогнившем отделе, который всё ещё пытается делать свою работу, по совести. За это его считают чудачком, держат под подозрением, ждут удобного случая убрать. Коллеги сторонятся его, начальство давит, бандиты угрожают в открытую. Он давно привык никому не доверять и держаться в одиночку.

Игорь слишком хорошо знал это состояние. Как солдат в окопе под перекрёстным огнём — без связи, без помощи, без уверенности, что вообще кто-то придёт. Только упрямство и совесть не дают отступить.

— Тяжело одному, — сказал он.

Громов быстро поднял на него глаза. И, видно, снова увидел в лице Игоря то же, что заметил ещё при первой встрече: понимание без лишних слов. Такое бывает только между людьми, которые сами стояли на подобном рубеже.

— Тяжело, — глухо ответил он. — Иногда думаю: бросить бы всё и уехать, как делают нормальные люди. Но поздно уже. Прирос. И кто здесь за людей останется, если я тоже отвернусь?

Прямо о союзе они не договаривались. Слишком многое было поставлено на карту. Громов рисковал службой, свободой, а может, и жизнью. Игорь — не только своей жизнью, но и безопасностью близких. Сказать сейчас вслух «давай действовать вместе» означало бы слишком рано связать друг друга смертельно опасной нитью. Но между ними возникло нечто прочнее слов — молчаливое соглашение. Капитан будет смотреть в нужную сторону, предупреждать, если начнётся беда, и по возможности прикрывать. А Игорь — делать то, чего закон в этом городе сделать уже не может.

Формально каждый оставался сам по себе. Но теперь они оба знали: в этом задавленном, продажном городе есть ещё один человек, который не продался. Который тоже держит свой одинокий рубеж. И это знание стоило очень дорого.

— Ладно, — Громов оттолкнулся от стены и снова глянул в сторону выхода. — Засиделись. Не надо нам долго торчать вместе. — Он шагнул мимо Игоря, потом на секунду остановился, не оборачиваясь. — Береги себя, Завьялов. И своих береги. Сейчас у тебя кроме них ничего нет.

Он ушёл — крепкий, немного ссутуленный, одинокий — и быстро растворился в сумерках проулка.

Игорь ещё немного постоял у холодной стены. Закуривать не стал — нечего было светить огоньком в темноте и выдавать своё место. Он думал.

На сердце тяжело легла ясность. Последняя надежда, в которой он, может быть, и сам себе не до конца признавался, — что Севера можно будет сломать по закону, через жалобы, суды, заявления, бумаги, — теперь окончательно рухнула. Всё упиралось в глухую, намертво выстроенную стену продажной милиции. Писать заявления бесполезно. Идти в суд бесполезно. Любая правда здесь исчезала по дороге, как те самые пропавшие бумаги.

Ждать помощи было неоткуда. Ни от власти, ни от закона, ни от кого сверху. Значит, спасать город придётся самим. Своими руками. Теми самыми навыками, за которые он когда-то платил кровью.

И мысли его, как и в другие бессонные ночи, снова вернулись к одному и тому же. К людям, которые не подведут в бою. К тем, с кем он прошёл огонь. К тем, кому ничего не нужно объяснять. К фронтовым братьям, проверенным не словами, а кровью.

Игорь оттолкнулся от стены и пошёл домой. В голове у него больше не было сомнений — только холодный, ясный расчёт.

Глава 23. Старый блиндаж

Игорь вышел из дома ещё затемно, когда серый рассвет только начинал проступать сквозь пыльную мглу над крышами. Мать и брата будить не стал — просто накинул куртку, сунул в карман горбушку хлеба и тихо прикрыл за собой калитку. После разговора с Громовым голова у него была тяжёлая от всего, что он узнал. Продажная милиция. Долги, которыми Север опутал полгорода. Страх в глазах матери, в потупленных взглядах соседей. Дома, под чужим наблюдением, ему было ни вздохнуть спокойно, ни собраться с мыслями.

Он хорошо знал это состояние. Перед серьёзным делом ему всегда нужно было побыть одному. Так было ещё на войне: перед выходом за линию он обязательно находил место, где можно остаться наедине с собой и привести мысли в порядок. И теперь ноги сами понесли его за окраину — туда, где когда-то из мальчишки начали делать бойца.

Город ещё спал. Игорь шёл просёлочной дорогой через тайгу и по привычке проверял, нет ли за ним хвоста: то сворачивал в сторону, то останавливался и прислушивался, не идёт ли кто следом. Но вокруг было тихо. С каждым шагом, уводящим его дальше от Гранитного, становилось легче. Тайга принимала его как своего. В воздухе пахло хвоей, сырой землёй, прелыми листьями и грибами. Под ногами мягко похрустывала опавшая хвоя.

Когда он добрался до старого полигона, его встретило запустение. Ржавые мишени стояли вкривь и вкось, окопы заросли травой почти по пояс, брустверы осели и обвалились. У дальнего края догнивал остов разбитой техники — без колёс, без стёкол, весь рыжий от ржавчины. Государство бросило этот полигон так же, как бросило и сам город. Он больше никому не был нужен.

Игорь медленно пошёл вдоль старых позиций. Каждый бугор, каждая воронка отзывались в нём памятью. Здесь их гоняли по-пластунски, и сержант орал, что они ползают, как беременные коровы. Вот тут он впервые разбирает учебную мину, и у него так дрожали руки, что инструктор не выдержал, отобрал её и сунул обратно.

— Здесь меня и сделали, — сказал он вслух, сам не зная, кому именно. — Научили выживать. Читать местность. Не бояться.

Он нашёл то место, ради которого пришёл, — осевший, почти занесённый землёй блиндаж. Один угол бревенчатого наката провалился, но внутрь ещё можно было спуститься. Игорь нагнулся и шагнул в сырой полумрак. Пахло землёй, сыростью и плесенью. Он провёл ладонью по бревну, по доскам нар, по закопчённой стене. Пальцы наткнулись на старые зарубки — кто-то когда-то вырезал ножом инициалы. Свои. Тех, с кем всё начиналось.

Игорь сел на край нар. В тесном земляном полумраке прошлое сразу подступило к нему вплотную.

— Совсем зелёный был, — пробормотал он. — Глаза горели. Думал: отслужу, вернусь домой героем.

Он невесело усмехнулся. Вернулся. Через семь лет. С цепким взглядом, с привычкой просчитывать ходы и запоминать выходы, с тем, что приходило к нему по ночам и будило в холодном поту. Здесь, в одиночестве, он наконец позволил себе посмотреть на всё честно. Без прикрас. Что приобрёл. Что потерял. Какой ценой научился убивать и выживать.

— Дорого, — тихо сказал он. — Слишком дорого.

И сразу пришли лица. Серёга-сапёр, которого он не успел вытащить. Молодой связист, погибший в первый же выход. Потом другие — один за другим. Те, кто остался лежать в чужой земле и уже никогда не вернётся.

— Ну что, мужики, — сказал Игорь, глядя в тёмный угол, и голос его чуть дрогнул. — Вот и вернулся я домой. А дома — то же самое. Та же война. Только без формы. И дают уже своих.

Он замолчал, будто и правда ждал ответа. В блиндаже стояла плотная, тяжёлая тишина. — Вы ведь домой рвались, — продолжил он уже глуше. — Все рвались. К матерям, к жёнам. А дома вот такое. Ради чего тогда всё было? Чтобы и здесь люди боялись голову поднять?

Тени погибших не укоряли его. Они будто просто стояли рядом, молча. И от этого молчания внутри у него что-то крепло, собиралось в твёрдость.

А потом начался самый тяжёлый разговор — с самим собой.

— А имею ли я право? — спросил Игорь у пустого блиндажа. — Тащить в это других. Брата. Мужиков с завода. У них семьи, дети. Если полезу один — меня просто сомнут. Если полезем толпой — половину перебьют.

Он сжал кулаки, упёрся локтями в колени.

— И сам я не превращусь в такого же, как Север? Если начну — где остановлюсь? Может, это не правда во мне говорит, а гордыня?

Он не искал себе оправданий. Ему нужен был честный ответ. И ответ приходил медленно, тяжело, будто поднимался из самой земли.

— Уйти — значит предать, — сказал он наконец. — И их, — он кивнул в угол, к памяти о погибших, — и мать, и Марину. И всех, кто ещё жив. Потом буду жить и знать, что струсил. Нет. Это хуже пули.

Чтобы перестать ходить по кругу в мыслях, он заставил работать руки. Поднялся, выбрался наружу и пошёл обходить полигон. По старой привычке осматривал позиции: где что обвалилось, где ещё может пригодиться укрытие. Прикидывал, что можно использовать из брошенного железа. Вспоминал, где раньше были тайники, как устроены подходы, откуда просматривается дорога. Тело само включало старую выучку сапёра-разведчика, и вместе с работой постепенно прояснялась голова.

К полудню в нём уже окрепло спокойное, твёрдое понимание. Холодный таёжный воздух словно выветрил из груди ту тяжесть, с которой он пришёл сюда утром.

— Один не справлюсь, — сказал он, остановившись посреди заросшего плаца. — Это ясно. Толпой тоже нельзя — толпу просто перебьют. Значит, нужна небольшая группа. Свои. Те, кто умеет.

Он начал перебирать в памяти лица. Уже не погибших — живых. Тех, с кем прошёл через огонь. Тех, кому ничего не надо объяснять. Кто прикроет спину и поймёт всё без слов.

— Татарин, — проговорил он, и на лице у него мелькнула тень тепла. — Лекарь. Связист.

К закату он в последний раз выбрался из блиндажа и остановился, глядя на полигон, тонущий в сумерках. Всё было тем же самым: ржавые мишени, осевшие окопы, разбитая техника. Но сам он уже был другим. Утром пришёл сюда измотанным и растерянным, а уходил собранным и твёрдым. Будто снова нашёл в себе того прежнего бойца, который знает, что делать.

Тайга и память сделали своё дело.

Игорь поправил воротник, в последний раз посмотрел на тёмный провал блиндажа и коротко сказал:

— Спасибо.

После этого он повернул обратно к городу.

В голове уже складывался первый конкретный шаг. Нужно было подать знак тем, кто поймёт и откликнется.

Глава 24. Письмо Татарину

Игорь вернулся с полигона уже в сумерках. На кухне горел свет — мать ждала его, грела чайник. От ужина он отказался, сославшись на усталость, немного посидел с ней для вида и ушёл к себе. Долго лежал в темноте, слушая, как тикают часы, как ворочается за стеной Виктор, как кашляет мать. А под утро, когда за окном только-только начало сереть, встал, оделся и сел за стол у окна.

В доме все ещё спали. Игорь достал из ящика чистый лист — желтоватый, в линейку, вырванный из старой школьной тетради. Нашёл шариковую ручку, проверил, пишет ли, черкнул пару линий на углу газеты. За окном тянулся серый, припорошённый пылью рассвет. На улице было тихо — ни машин, ни голосов. Самое время.

Он уже точно знал: один он этот город не вытянет. Это стало ясно ещё там, в блиндаже. Нужны были свои — люди, которым не надо ничего объяснять. И первым, кого он вспомнил, был Руслан. Татарин. Пулемётчик, крепкий, спокойный, с тяжёлым внимательным взглядом. Они вместе прошли через многое, и Татарин ни разу не дрогнул, не бросил, не отступил. Если кто и поймёт всё без лишних слов, так это он.

Игорь занёс ручку над листом — и замер.

Слова не шли. В голове всё звучало просто и ясно — так, как могло бы прозвучать в окопе, у костра, под чужим небом. Но на бумаге выходило сухо, неуклюже, чужими словами. Писать письма он не умел. За семь лет — всего несколько коротких весточек матери, и те дались тяжело. А сейчас нужно было сказать главное, при этом не сказать лишнего.

«Здравствуй, Руслан», — написал он.

Посмотрел. Зачеркнул. Слишком официально.

«Привет, Татарин».

Тоже не то.

Он смял лист, отложил его в сторону и взял новый. Посидел немного, потёр переносицу. За простой вроде бы задачей — написать другу — скрывалось что-то большее, тяжёлое, чему он пока не мог дать точного имени. Он не просто звал на помощь. Он звал человека, с которым можно снова встать спина к спине.

Тогда Игорь начал заново — просто, без лишних слов, так, как сказал бы вслух.

«Руслан, здравствуй. Это Завьял. Пишу из дома, из Гранитного. Помнишь, я рассказывал про тайгу и карьер? Вот сюда я и вернулся».

Дальше пошло легче. Он написал про город — про пыль, которая висит над крышами серой пеленой, оседает на заборах и скрипит на зубах. Про мать, которая слегла и теперь у неё дрожат руки, когда она наливает чай. Про брата с перебитой рукой. Про завод, который стоит, будто мёртвый, — без гудков, без дыма, без жизни.

«Вернулся домой, Руслан, а дома — не дом. Здесь своя война. Без формы, без фронта. Люди гнутся и молчат. Помнишь те сёла, где старики глаза отводили? Здесь теперь то же самое».

Строчки ложились неровно, иногда наползали друг на друга, но за ними вставало всё, что он увидел за эти дни. Бумага принимала то, чего он не говорил вслух даже самому себе. Игорь писал и чувствовал, как понемногу отпускает — будто часть тяжести уходила из него в этот желтоватый лист.

Прямо он не написал: «Приезжай, мне нужна помощь». Не стал писать, во что ввязался. Не назвал ни Севера, ни Жилу, ни продажную милицию. Бумаге такого не доверяют — письмо могли перехватить. Он просто описал, как живёт город. А в конце, будто между делом, добавил:

«Если будет время и желание — приезжай. Посидим, поговорим. Тайгу нашу посмотришь, грибы здесь — будь здоров. Я был бы рад».

Он перечитал написанное и понял: между этими скупыми словами всё равно слышится то, что от своего не скроешь. Зов. Тот самый, который услышит только человек, сам ходивший под огнём. За простым «я был бы рад» стояло другое: мне тяжело, брат, мне нужен кто-то, кому я могу доверить спину.

Игорь отложил ручку и откинулся на спинку стула. Он и сам не мог толком сказать, на что надеется. Татарин был далеко, за тысячи километров. У него своя жизнь, свои раны, свои беды. Глупо было рассчитывать, что человек всё бросит и поедет в далёкий таёжный угол разбираться с чужой бедой.

— Глупость, — пробормотал Игорь. — Кто вообще поедет.

Он сказал себе, что пишет просто для очистки совести. Чтобы потом не корить себя за то, что даже не попытался. Но глубоко внутри, под этой трезвой мыслью, всё равно тлела упрямая, почти стыдная надежда. Татарин своих не бросал. Никогда.

Но тут же пришла другая мысль — тяжёлая и неприятная. А имеет ли он вообще право звать друга в это пекло? Подставлять под удар человека, который и так отдал войне половину себя, которого война до сих пор не отпускала по ночам. Не эгоизм ли это — втягивать своих в чужую беду, в которую он сам полез по собственной воле?

Игорь сидел, глядя на письмо, и думал, не порвать ли его. Палец уже лёг на край листа.

Но перед глазами один за другим встали лица. Мать с дрожащими руками. Виктор, который прячет разбитую кисть в карман. Марина — такая, какой он увидел её у клуба: пустой взгляд, мутные глаза. Семёныч, которого били при всех. И весь этот задавленный, молчащий город.

Один он этого не вытянет. Это он тоже понимал ясно.

Сомнение отступило. Игорь убрал руку от листа.

Он встал, подошёл к комоду, выдвинул нижний ящик. Под бельём, в самом углу, лежала старая записная книжка — маленькая, в потрескавшейся кожаной обложке, с обтрёпанными углами. Военная. Он давно её не открывал. Вернулся к столу, сел, раскрыл.

Страницы были исписаны разными чернилами и разным почерком — где-то его рукой, где-то чужой. Адреса, телефоны, имена, клички. И многие строки были перечёркнуты — крест-накрест или одной прямой чертой, его же рукой. Серёга — перечёркнут. Малой, молодой связист, которого он так и звал по прозвищу, — тоже перечёркнут. И ещё, и ещё. Книжка молча смотрела на него списком тех, кого уже нет.

Игорь медленно листал страницы, и в горле вставал ком. Будто он снова шёл вдоль строя, называл имена, а в ответ тишина.

Хайдаров Руслан. Не зачёркнут.

Адрес — далёкий посёлок где-то на востоке. Телефона нет, только почтовый адрес. Запись старая, выцветшая. Игорь даже не знал, живёт ли Руслан там до сих пор, дойдёт ли письмо, не переехал ли он, не начал ли совсем другую жизнь. Семь лет — большой срок.

— Ну, хоть так, — тихо сказал он.

Он переписал адрес на отдельный клочок бумаги, внимательно сверяя каждую букву. Потом сложил письмо вчетверо, аккуратно разгладил сгибы ладонью. Из той же книжки достал старый конверт — пожелтевший, но целый. Надписал адрес твёрдой рукой, крупно и разборчиво, чтобы не было ошибки.

Дело было простое, но казалось важным почти как шаг через черту. Словно этим письмом он открывал новую страницу своей войны. Не той, которая осталась позади, а этой — домашней, тихой и оттого ещё страшнее.

Игорь заклеил конверт, прижал пальцами край и несколько секунд просто держал его в руках. Он был совсем лёгкий — а ощущался тяжёлым.

Потом Игорь убрал письмо во внутренний карман куртки, поближе к телу. На почту он понесёт его сам — но не сегодня. Сначала нужно будет проверить, нет ли за ним слежки. Отпра-

вить такое письмо из-под носа у людей Севера — тоже задача. Нужно было сделать это так, чтобы никто не увидел, куда и кому он пишет. Он уже прикидывал, как лучше поступить: не идти на главную почту в центре, а выбрать дальнюю, у вокзала, где народу больше и его знают меньше. Зайти как будто за марками, письмо опустить мимоходом.

За стеной скрипнула кровать — мать просыпалась.

Игорь сразу убрал записную книжку обратно в ящик, под бельё. Спрятал клочок с адресом. Смятые листы со стола собрал и сунул в карман — потом сожжёт в печке, нечего оставлять следы.

Потом вышел во двор. Серый рассвет уже светлел, над крышами по-прежнему висела знакомая пыльная пелена. Где-то лениво, спросонья, прокричал петух. Город просыпался — придавленный, ещё ничего не знающий.

Игорь стоял на крыльце и чувствовал у груди жёсткий уголок конверта. Он сделал всё, что мог. Бросил камень в воду. А дойдут ли круги до другого берега, дойдёт ли письмо, прочитает ли его Татарин, откликнется ли — это уже от него не зависело.

Может, Руслан не приедет. Может, письмо потеряется по дороге, затеряется на сортировке, пропадёт. Всякое бывает.

Но на душе всё равно стало твёрже. Теперь он уже не оставался один на один со своим решением. Где-то далеко, на востоке, за тайгой и сопками, был человек, ответа которого он теперь будет ждать. И само это ожидание, само то, что он позвал, уже что-то меняло.

— Ну давай, Руслан, — тихо сказал он, глядя на солнце, поднимающееся сквозь пыльную мглу. — Не подведи.

Потом спустился с крыльца и пошёл к колонке за водой — начинать обычный день, в котором у него за пазухой лежало совсем не обычное письмо.

Глава 25. Удар по карьере

Утро на карьере начиналось как обычно. Над уступами висела серая пыль, ревела техника, скрежетали ковши, рабочие перекрикивались между собой. Виктор шёл вдоль конвейера, проверял наряды и по привычке подгонял тех, кто тормозил.

— Петрович, чего ковш стоит? Давай шевелись, ты не на курорте!

— Да шевелюсь я, Витя, шевелюсь, — отзывался пожилой машинист, поспешно забираясь в кабину.

Завод держался из последних сил, но люди всё равно цеплялись за работу как за последнюю опору. Зарплата была маленькая, приходила с задержками, да ещё и урезанная вычетами, но хоть что-то приносила в дом. Никто и представить не мог, что именно этот день сломает то хрупкое равновесие, на котором ещё держался весь город.

Беда пришла в середине смены.

Над дробильным цехом разнёсся страшный металлический лязг — будто железо рвало само себя. Главная дробилка, сердце всего производства, дёрнулась, захрипела и встала намертво. Изнутри повалил сизый дым. Что-то внутри перекосило, заклинило, сорвало с креплений.

— Глуши! Глуши, мать твою! — заорал Виктор, бросаясь к пульту. — Рубильник!

Рабочие со всех сторон сбегались на грохот. Кто-то дёрнул аварийный рычаг, агрегат с тяжёлым хрипом затих. В наступившей тишине было слышно, как на бетон капает масло и как тяжело дышат сбежавшиеся мужики.

— Всё, приехали, — выдохнул сменный мастер, вытирая лоб. — Главная накрылась.

Виктор побледнел. Он лучше других понимал, что это означает. Без дробилки вставал весь карьер. А простой ударит не по начальству, а по обычным людям.

— Так, спокойно, — сказал он, повернувшись к бригаде. — Никому не расходиться. Сейчас посмотрим, что там.

О поломке Игорь узнал вечером, дома, от брата. И сразу насторожился.

— Дробилка, говоришь? — Он отставил кружку и посмотрел на Виктора. — А раньше она у вас ломалась?

— Ломалась. Железо старое, тут удивляться нечему. — Виктор устало тёр перебинтованную кисть. — Но чтобы вот так, наглухо, прямо посреди смены... Такого не помню.

— Расскажи подробно. Как всё было, что слышали, кто рядом крутился.

Виктор пожал плечами, но рассказал всё, что помнил. А Игорь слушал и мысленно раскладывал детали по местам — так же, как когда-то разбирал подрывы на дорогах. Кто мог пройти мимо ночью. Кто оставался на территории. Почему всё случилось именно сейчас, когда и без того всё висит на волоске.

Случайность? Может быть. Но чутьё, привыкшее распознавать чужой умысел, подсказывало другое: тут не обошлось без чьей-то руки.

— Завтра пойду с тобой, — сказал он. — Помогу. Заодно сам посмотрю.

На следующий день под предлогом, что помогает брату, Игорь пробрался к застывшей дробилке. В цехе было полупусто: мужики курили в стороне, ждали комиссию. Игорь, не спеша обошёл агрегат, внимательно осматривая его взглядом человека, который привык замечать то, что другие пропускают.

И почти сразу увидел то, чего уставший рабочий мог и не заметить.

Крепления на главном узле были ослаблены. Не сами разболтались от времени, а именно ослаблены — аккуратно, как будто их специально отпускали. На станине лежал посторонний кусок металла, который попал точно туда, куда нужно, чтобы всё заклинило. На болтах остались свежие следы ключа.

— Виктор, — тихо позвал он. — Подойди. Посмотри сюда.

Брат наклонился, всмотрелся.

— Болты... — нахмурился он. — Их кто-то крутил. И недавно.

— Да. И железку эту тоже кто-то сюда подбросил. — Игорь выпрямился. — Это не просто износ, Вить. Дробилку сломали специально. Аккуратно сломали, так, чтобы всё можно было списать на старое железо.

Виктор молчал, тяжело глядя на повреждённый узел. До него постепенно доходило.

— Кто же...

— Сам понимаешь кто, — спокойно сказал Игорь.

Скоро контора объявила вынужденный простой. Всё сухо и по-деловому: бумажка на проходной, мол, пока дробилка не работает, работы нет. А раз нет работы, то и денег не будет. Мужики толпились у объявления, читали и мрачнели.

— Это что, теперь совсем без копейки сидеть? — глухо сказал кто-то.

— Тут написано — «за свой счёт». То есть гуляй, — зло отозвался другой.

— А семьи чем кормить?

К Виктору подошёл сменный мастер и протянул ещё один лист.

— Витя, тут ещё новости. Зарплату за этот месяц режут — «в связи с простоем». А тех, у кого и так копейки выходили, вообще временно выставляют.

Виктор скомкал бумагу в кулаке.

Игорь стоял чуть в стороне и ясно видел весь расчёт этого удара. Людей, которые и так уже задыхались в долгах, лишали последнего. Голод и нужда — тоже оружие. И кто-то сознательно давил этим всё сильнее.

— Видишь? — тихо сказал он брату. — Сломали не дробилку. Людям хребет ломают. Чтобы совсем согнулись.

Среди рабочих поднимался глухой, тяжёлый ропот. Мужики сбивались в кучки у курилки, у проходной, говорили вполголоса — с тоской, раздражением и злобой.

— Я же говорил, угробят завод...

— Всё старьё, вот и посыпалось...

— Да при чём тут старьё! — не выдержал один из молодых. — Слишком уж вовремя она встала. Только зарплату пообещали...

— Тихо ты, — оборвал его сосед, оглянувшись. — Тебе что, больше всех надо? Кто захотел, тот и сломал. А отвечать нам.

Игорь наблюдал за этим со стороны и видел, как в людях медленно копится опасная смесь — отчаяние и злость. Стоит только поднести искру, и всё вспыхнет. Он хорошо знал это состояние. В осаждённых сёлах бывало так же: когда у людей отнимали последнее, им становилось уже всё равно.

Виктор пытался что-то сделать. Обзванивал поставщиков, ходил по складам, поднимал старые накладные. Но везде наткнулся на одну и ту же стену.

— Нет запчастей, Витя, — разводил руками снабженец, не глядя ему в глаза. — И не будет. По официальным каналам — пусто. Только через... сам понимаешь. Через нужных людей.

— Через каких ещё нужных?

— Сам знаешь каких, — ещё тише сказал снабженец. — Они достанут. Но за свою цену. И тогда, когда захотят.

Домой Виктор вернулся мрачнее тучи. Бросил кепку на стол и глухо сказал:

— Нигде нет запчастей. Точнее, есть — но только у тех, кто, я уверен, эту дробилку и угробил. Хочешь отремонтировать — иди к ним на поклон. И плати, сколько скажут.

Игорь уже видел всю схему целиком. Тот, кто устроил поломку, держал в руках и возможность ремонта.

— Понятно, — сказал он. — Это не просто гадость. Это ход. Хотят ещё крепче поставить на колени и завод, и людей.

Но скоро выяснилось, что это ещё не всё. Игорь заметил вещь похуже самого простоя. Злость рабочих, не находя настоящего виноватого, начала поворачиваться против Виктора.

Это был его участок. Его смена. Его дробилка встала. И кому-то оказалось проще обвинить своего бригадира, чем невидимого хозяина, сидящего за тонированным стеклом.

— Завьялов недоглядел, — бросил кто-то в курилке, не особо скрываясь. — Тоже мне, бригадир.

— А может, и не недоглядел, — лениво подхватил другой. — Может, ему так и надо было. Ему-то, небось, заплатили...

Виктор проходил мимо, услышал и остановился.

— Ты что сказал? — Он резко повернулся, покраснел. — Повтори.

— Да ничего, — мужик отвёл глаза и затаился. — Чего ты заводишься. Все на нервах.

Виктор сжал кулаки, постоял секунду, потом резко отвернулся и пошёл прочь. Игорь, стоявший неподалёку, видел, как у брата ходят желваки и как тяжело на него ложится эта чужая, несправедливая вина.

Вечером он сказал Виктору прямо:

— Слышал, что о тебе на смене говорят?

— Слышал, — Виктор отвернулся к окну. — Свои же, Игорёк. Свои на меня волком смотрят. Будто это я их сдал.

— Не сами они до этого дошли, — сказал Игорь. — Им помогли. Это тоже часть всей игры.

— Какой ещё игры?

Игорь сел напротив и заговорил тихо, спокойно, раскладывая всё по шагам:

— Смотри. Дробилку ломают — люди остаются без денег. Денег нет, злость растёт. Но злость должна во что-то упереться. И её потихоньку направляют на тебя. На бригадира. Тебя ломают, выставят виноватым, уберут — а на твоё место поставят своего человека. И тогда весь завод окажется у них в руках. Понимаешь?

Виктор слушал и медленно начинал понимать, насколько всё это было продумано и хладнокровно.

— То есть нас хотят стравить, — тихо сказал он наконец. — Меня и мужиков.

— Именно. — Игорь кивнул. — Поломка — это только начало. Сначала озлобить голодных людей, потом натравить их на тебя, расколоть бригаду изнутри. Теперь надо смотреть очень внимательно, куда они ударят дальше.

К вечеру карьер замер в тяжёлой, тревожной тишине. Не ревела техника, не скрежетали ковши, не слышно было криков рабочих. Только ветер гонял пыль по пустым уступам, да где-то в стороне вполголоса переговаривались мужики, не понимая, чем завтра кормить семьи.

Игорь стоял у остановившейся дробилки и смотрел на серую громаду карьера. Сердце города — а билось уже из последних сил.

Он ясно видел, что Север затягивает петлю медленно, но уверенно. Голодом. Простоем. Подозрением, которое теперь вешали на его брата. И эта петля, накинутая на завод, душила сразу весь Гранитный.

— Ничего, — тихо сказал Игорь, глядя на разбитый узел. — И эту нитку разматываем.

Но внутри уже сидело тяжёлое беспокойство. Время уходило. А помощи, на которую он рассчитывал, всё не было — письмо ушло на восток и словно пропало где-то в тайге.

Ждать дальше он уже не мог.

Глава 26. Провокация

Простой тянулся уже вторую неделю, и карьер стоял как мёртвый. Дробилку так и не починили — да и кому было её чинить, если запчасти держали в руках те самые люди, которые её и вывели из строя. Рабочие по утрам приходили к проходной, топтались, курили и расходились по домам. Денег не было. Дома у всех было пусто, и злость копилась сама собой, как вода перед плотиной.

Игорь это видел и понимал: долго так продолжаться не может. Голодный и озлобленный человек — как сухой хворост. Достаточно одной искры.

И эту искру кто-то явно готовил.

Сначала Игорь заметил это не сразу. Просто обратил внимание, что среди мужиков, которые собирались у ворот, пошли какие-то новые разговоры. Не сами по себе пошли — их кто-то запускал. Двое или трое крутились в толпе, подходили то к одной кучке, то к другой, негромко вбрасывали нужные слова, будто случайно, между делом. Но слова ложились точно туда, куда надо, и делали своё дело.

— А Завьялов-то, гляди, не бедствует. У него дома, небось, всё есть.

— Ему-то платят, не нам.

— Он с конторой заодно. Может, сам дробилку под простой и подвёл. Ему это только на руку.

Игорь стоял в стороне, у штабеля плит, и слушал. Лица этих говорунов он сразу запомнил. Один — приклатнённого вида, с бегающими глазами, из тех, что обычно ошиваются у нового магазина. Второй вроде бы свой, заводской, но Игорь почти его не знал. И говорил тот слишком уж складно, слишком настойчиво вёл всё к одному: виноват бригадир.

«Шептуны, — понял Игорь. — Подсадные. Им платят за то, чтобы люди возненавидели брата».

Он сжал зубы. Картина вырисовывалась мерзкая и слишком понятная.

Вечером он прямо сказал об этом Виктору. Тот сидел на кухне, мрачный, тёр перебинтованную руку.

— Слышал, что о тебе на смене говорят? — спросил Игорь.

— Слышал, — не поднимая головы, ответил Виктор. — Свои же, Игорёк. С кем двадцать лет рядом работал. Уже и здороваться перестали. В глаза не смотрят. Будто это я их продал.

— Не сами они до этого дошли, Вить.

— А кто тогда? — вскинулся Виктор. — Кто? Я, что ли, дробилку ломал? Я, что ли, людям зарплату режу?

— Тише. — Игорь сел напротив. — Послушай. Дробилку сломали, людей оставили без денег. Злость у них копится, а девать её некуда. Вот её и направляют на тебя. Чтобы мужики не на Севера смотрели, а на собственного бригадира.

Виктор молчал, тяжело сопел.

— Зачем? — выдавил он наконец.

— Затем, что тебя хотят сломать. Опозорить, выставить виноватым, убрать. А потом поставить на твоё место своего человека. И бригада будет у них в руках. Это не случайность, Вить. Это рассчитанный ход.

— Да пусть хоть языки сотрут! — Виктор хлопнул ладонью по столу. — Я к ним по-человечески. Я за них же в драку полез, когда Семёныча били! А они...

— Вот именно этого и не делай, — жёстко сказал Игорь, поймав его взгляд. — Не лезь к ним сейчас сгоряча. Не оправдывайся. Не доказывай ничего. Этого от тебя и добиваются — чтобы ты сорвался.

Но Виктора было трудно удержать. Прямой, горячий, с обидой, которая уже въелась под кожу, он всё сильнее закипал.

И на третий день всё рвануло.

К полудню у проходной собралась толпа — человек сорок, не меньше. Когда Игорь подошёл, там уже гудело. В центре стоял какой-то крикун — краснолицый, горластый, размахивал руками. Игорь сразу понял: не рабочий. Слишком уверенно держится, слишком складно орёт, слишком вовремя появился и слишком упорно тянет в одну сторону.

— А где Завьялов?! — надрывался он. — Где наш бригадир?! Чего прячется?! Пусть выйдет и в глаза людям посмотрит! Это из-за него мы без хлеба сидим!

— Верно! — подхватили из толпы.

— Дробилку кто угробил? Его смена!

— Ему-то платят, а мы зубы на полку!

Гул становился всё тяжелее. У кого-то в руке Игорь заметил арматуру. Воздух налился тревогой, как перед дракой, — знакомое до боли чувство. Ещё немного, и всё сорвётся.

И в этот момент из конторы вышел Виктор.

Он услышал крики, увидел толпу — и сразу пошёл прямо к ней, красный, со сжатыми кулаками.

— Кто тут про меня орёт?! — рявкнул он. — Ну-ка повтори в лицо!

«Дурак, — мелькнуло у Игоря. — Именно этого от него и ждали».

Толпа качнулась навстречу. Крикун оскалился — добился, чего хотел.

— Вот он! — завизжал он. — Смотрите, какой герой! Дармоед! Бей его, мужики! Он с бандитами заодно!

Виктор шёл прямо в толпу, один, не сбавляя шага. Ещё секунда — и его бы просто смяли, забили той же арматурой, а потом сказали бы, что всё вышло само собой, в пылу стихийного бунта.

Игорь двинулся с места.

Не побежал, не стал кричать. Просто шагнул вперёд и встал рядом с братом — плечом к плечу, чуть впереди, прикрывая. Встал спокойно, тяжело, не отрывая взгляда от толпы. И это спокойствие вдруг подействовало сильнее любого окрика. Передние ряды замялись.

Они ждали одного — растерянного, испуганного бригадира. А увидели двоих. И один из них смотрел так, что даже поднятая рука невольно опускалась.

На несколько секунд повисла тишина. Гул осёкся.

— Ну что встали? — спокойно спросил Игорь, обводя всех взглядом. — Бить пришли? Бейте. Только сначала ответьте мне на один вопрос.

— Какой ещё вопрос? — буркнул кто-то.

— Очень простой. — Игорь говорил тихо, но слышали его все. — Тот, кто сломал дробилку, вам друг? Тот, кто оставил вас без денег, вам друг? А теперь подумайте, кому выгодно, чтобы вы сейчас собственного бригадира арматурой забили.

Толпа молчала.

— Виктор с вами двадцать лет. Когда Семёныча били у всех на глазах, он за него полез в драку. За это ему руку и перебили. — Игорь кивнул на перевязанную кисть брата. — А теперь вам говорят, что он враг. Кто говорит? Вот этот? — Он медленно повернул голову к крикуну. — Вы его вообще раньше видели? Он откуда? С какого участка?

Крикун дёрнулся.

— Ты чего на меня-то... — забормотал он, озираясь. — Я как все...

— Как все, — повторил Игорь. — Только все молчали, а ты один громче всех орал. И больше всех тыкал пальцем в моего брата. Странно, не находите?

В толпе зашевелились. На крикуна начали смотреть уже иначе — внимательно, недобро. Кто-то покосился и на второго шептуна, который стоял сбоку и уже явно хотел исчезнуть.

— Я тут ни при чём... — пробормотал крикун, пятась. — Сами разбирайтесь...

Он резко развернулся и быстро пошёл прочь, протискиваясь через людей. Второй, не оглядываясь, поспешил за ним. Толпа молча расступалась, и в этом молчании было больше понимания, чем в любом крике.

Пожилой слесарь — тот самый, что когда-то курил с Игорем, — кашлянул и опустил арматуру.

— А ведь правда... — хрипло сказал он. — Чужие какие-то. Откуда вообще взялись?

— Расходитесь, мужики, — устало сказал Игорь. — Вы злитесь не на тех. Тот, на кого надо злиться, сейчас сидит в конторе и ждёт, когда вы тут друг друга калечить начнёте.

Люди начали расходиться — медленно, молча, переговариваясь между собой вполголоса. Многие, проходя мимо Виктора, отводили глаза, но уже не от злости, а от стыда.

Виктор стоял бледный, тяжело дышал. Игорь взял его за локоть.

— Пойдём отсюда.

Они отошли к штабелю плит. Виктор прислонился спиной к бетону и провёл здоровой рукой по лицу.

— Они же меня... — с трудом выговорил он. — Свои же. Чуть не убили.

— Не свои, — сказал Игорь. — Своих просто умело стравили. И почти получилось. Запомни этот день, Вить. Именно так всё и делается.

Виктор молча кивнул.

А Игорь смотрел в конец улицы, куда ушли крикун и его напарник.

Глава 27. Сорванная сделка

Утром Игорь сел разбирать семейные бумаги. После провокации у проходной, которую удалось сорвать, он понял: силой Завьяловых быстро не сломать, значит, Север попытается зайти с другой стороны — через документы, печати, через закон, вывернутый в свою пользу. Доля в заводе, паи, наследство отчима — всё это держалось на тонкой нитке. И эту нитку нужно было успеть закрепить, пока до неё не дотянулась чужая рука.

Он перебирал старые квитанции, выписки, потрёпанный паевой сертификат с гербом ещё прежних времён. Рядом сидел Виктор и тёр переносицу здоровой рукой.

— Я уже сам пытался, — глухо сказал он. — Ещё год назад. Ходил по кабинетам, унижался. Всё впустую.

— Покажешь, к кому ходил?

— Да чего там показывать. Всё решается в одном месте. В администрации. У Стрельцова. Игорь собрал бумаги в папку и встал.

— Значит, пойду к нему.

Здание администрации стояло посреди серого, обшарпанного города, как чужой кусок другой жизни. Свежая краска на фасаде, новые пластиковые окна, на крыльце — ковровая дорожка, не успевшая даже толком запылиться. Игорь поднялся по чистым ступеням и толкнул тяжёлую дверь. Внутри пахло кофе, полиролью и чиновничьим благополучием. Секретарша с холодным взглядом посмотрела на него так, будто он был грязью, занесённой с улицы.

— Вам назначено?

— По вопросу паёв. Завьялов.

Она помолчала, потом сняла трубку, тихо что-то сказала и, к удивлению Игоря, кивнула:

— Проходите. Сергей Аркадьевич примет.

Кабинет оказался таким же, как и всё здание: просторный, с тяжёлыми шторами, портретами на стенах и большим полированным столом. За ним сидел мужчина лет пятидесяти — гладкий, ухоженный, в дорогом костюме. Увидев Игоря, Стрельцов встал, протянул мягкую тёплую руку и улыбнулся так, будто перед ним был старый знакомый.

— Завьялов. Младший. Наслышан, наслышан. — Он пожал руку чуть дольше, чем нужно. — Присаживайтесь. Чай? Кофе?

— Спасибо. Я по делу.

— По делу — так по делу. — Стрельцов сел обратно и сложил руки на столе. — Люблю деловых людей. А то у нас обычно как: приходят жаловаться, просить. А вы, вижу, человек серьёзный.

Игорь молча положил перед ним папку и раскрыл её.

— Доля в заводе. Отцовские паи. Хочу оформить всё как положено. Закрепить за семьёй.

Стрельцов придвинул бумаги и начал, не спеша их просматривать. Лицо у него оставалось приветливым, но Игорь сразу уловил за этой любезностью другое — холодный, быстрый расчёт человека, который уже прикидывает, кто перед ним и насколько он может быть опасен.

— Дело хорошее, правильное, — заговорил Стрельцов, и слова у него текли гладко, как по накатанному. — Закон, порядок, права граждан — это святое. Мы как раз за то, чтобы у каждого всё было, по справедливости. Город сейчас переживает тяжёлые времена, сами видите. Но мы работаем. Стараемся для людей.

— Тогда оформите.

— Оформим, конечно. — Чиновник развёл руками. — Только тут есть одна сложность. — Он постучал ногтем по бумаге. — Не хватает справки о наследстве. Нужна из нотариальной конторы, по новой форме.

— Вот справка.

— Эта старого образца, — мягко улыбнулся Стрельцов. — Нужна новая. И ещё нужна подпись главного инженера завода о том, что пай действительны. А он сейчас в отъезде. Плюс комиссия по имущественным вопросам... когда соберётся. Сами понимаете, бюрократия. Не я её придумал.

Игорь слушал и сразу узнал эту схему. Старый чиновничий приём, который он видел ещё в других местах, под другими флагами. Никто не отказывает тебе прямо. Тебя просто гоняют по кругу, заваливают новыми бумажками и согласованиями, пока ты сам не устанешь и не бросишь всё. Одна справка требует другую, другая — третью, и выхода из этого круга нет.

— И долго ждать комиссию? — спокойно спросил он.

— Кто ж знает. — Стрельцов пожал плечами так, будто в этом жесте уже был весь ответ. — Может, месяц. Может, два. А может, до нового года. Жизнь, знаете ли, непредсказуема.

Он ненадолго замолчал, посмотрел на Игоря, словно примеряясь, а потом слегка подался вперёд. Голос у него стал тише, доверительнее, почти отеческий.

— Хотя... есть и другой путь. Более разумный. Если подойти с пониманием, дело можно ускорить. По-доброму, по-соседски. Всегда можно договориться, если есть желание. — Он сделал паузу. — А можно и вообще без всей этой возни. Зачем вам бегать по кабинетам, собирать бумажки, ждать комиссии? Есть люди, которые готовы выкупить вашу долю. По-честному. Деньги сразу на руки — и никаких проблем. И матери на лечение хватит, и брату полегче станет.

Игорь без труда понял, что стоит за этими словами. Его не просто водили по кругу — его аккуратно, вежливо подталкивали к тому, чтобы он сам отдал своё за бесценок. Разговор был тот же самый, что и с Жилой во дворе, только без кожаной куртки и прямых угроз. Чиновник и бандит говорили, по сути, одно и то же. Один — в галстук, другой — в коже, а смысл один.

— Я хочу оформить всё по закону, — спокойно сказал Игорь. — И больше ничего.

— Так я ведь о том и говорю — по закону! — всплеснул руками Стрельцов. — Просто закон — штука медленная. А жизнь идёт. Вы подумайте над тем, что я сказал. Не торопитесь с отказом.

— Я не отказываюсь. Я повторяю: оформить. По закону.

Он не повышал голос, не спорил, не злился. Просто ещё раз сказал то же самое — спокойно и твёрдо. И эта ровная, упрямая настойчивость сбивала Стрельцова с привычного хода. Тот явно привык к другому: либо человек суёт под бумаги конверт, либо, устав, машет рукой и уходит. А Игорь не делал ни того, ни другого. Он просто сидел и ждал. И в этом ожидании было что-то тяжёлое, как камень.

Улыбка на лице Стрельцова едва заметно застыла. Через широкий полированный стол между ними повисла плотная, хоть и невидимая вражда.

— Что ж, — сказал наконец чиновник, собрал бумаги, аккуратно выровнял их и подвинул обратно. — Не хотите по-хорошему — будем по правилам. Принесёте все справки — рассмотрим. Всё рассмотрим. В порядке очереди.

— Когда ждать?

— Когда придёт время. — Стрельцов снова улыбнулся, но глаза у него остались холодными. — Город маленький, дел много. Терпение, Завьялов. Терпение.

Игорь встал, забрал папку.

— Терпения у меня хватает. Это вы верно заметили.

Он вышел из прохладного кабинета, где пахло кофе и дорогой мебелью, спустился по чистой ковровой дорожке, толкнул тяжёлую дверь и снова оказался на пыльном крыльце, среди серого, осыпавшегося города. Постоял немного, щурясь на свет и прокручивая в голове всё, что только что увидел.

Слишком уж гладко глава администрации играл на руку Северу. Слишком вовремя тормозились дела тех, кто не хотел кланяться. Слишком сытно и богато жил этот человек для

обычного чиновника — свежая краска, дорогой костюм, ковры, кофе. Игореву чутьё, отточенное за годы, подсказывало ясно: Стрельцов не из тех, кого просто запугали и заставили служить. Он сам в деле. Сам в доле. За захватом города стояли не только кулаки и кожаные куртки. За ним стояли печати, подписи, кабинеты.

Картина, которую Игорь собирал по кускам, стала ещё яснее. И этот новый кусок был, пожалуй, опаснее многих других.

Теперь замысел противника открылся ему почти полностью. Север давил снаружи — полумкой дробилки, провокацией у проходной, угрозами во дворе. А Стрельцов действовал изнутри — тихо, по-канцелярски, лишая Завьяловых законной опоры. Не успеешь оформить долю — завтра её перепишут на подставных людей, и всё будет чисто, аккуратно, по документам. Не подкопаешься. Семью зажимали с двух сторон: бандиты ломали волю, чиновник отнимал право. И обе руки, как теперь ясно понял Игорь, тянулись из одного и того же кармана.

Дома он рассказал Виктору, как ходил в администрацию. Тот слушал, всё сильнее мрачнел, тёр перебинтованную руку и под конец только горько усмехнулся.

— Ну что? — спросил он. — Я же говорил. Стена. Я в неё целый год лбом бился.

— Бился.

— И без толку. — Виктор хлопнул ладонью по столу. — Против них не попрёшь, Игорёк. У них всё схвачено — и сила, и бумага. Куда ни сунься — везде их рука. Хоть в суд иди, хоть головой об стену бейся — толку не будет. Закон на них работает.

— Закон на них работает, пока их не за что зацепить, — сказал Игорь. — А зацепить можно. Только не бумагой против бумаги. Нужны доказательства.

— Какие ещё доказательства?

— Такие, которые покажут, кто на самом деле тянет деньги с завода. Кто кому платит. Куда всё уходит. — Игорь смотрел в тёмное окно. — Этот, в галстук, думает, что он чистый. Что отсиделся за печатями и руки не испачкал. А руки у него грязнее, чем у Жилы.

Он видел, как в брате сталкиваются злость и бессилие. За год хождений по кабинетам Виктор окончательно поверил, что против печатей не попрёшь. Игорь понимал: одной решимости тут мало. Кулаком бумажную стену не пробьёшь. Нужно что-то другое.

От этой чиновничьей стены он ушёл не сломленным. Наоборот — с новым пониманием. Стрельцов был не просто помехой, которую можно обойти. Он был одной из главных опор всей схемы захвата города — спрятанной за маской законной власти, за ковровой дорожкой, за вежливой улыбкой. И если Игорь хотел свалить Севера, добраться придётся и до этого гладкого дельца в дорогом костюме.

Он мысленно добавил Стрельцова к своей карте врагов — туда же, где уже были Север, Жила, рыночный сборщик и человек в форме у милицейской машины. И окончательно понял: бить нужно не только по кулакам банды. Бить придётся и по её бумагам. По тому, что эти люди прячут в сейфах, в папках, в кабинетах.

Глава 28. Марина приходит в себя

Утро в доме Завьяловых было тихим. Мать возилась у печи, гремела чугуном, а за окном по двору тянулась серая заводская пыль и оседала на стёклах. Игорь сидел за столом, разбирал бумаги — справки, выписки, мятые квитанции, которые нужно было собрать в одну папку перед новым походом в администрацию. И краем глаза замечал перемены, которых раньше не было.

Марина встала сама, без напоминаний. Бледная, ещё совсем слабая, с тёмными кругами под глазами, но уже не потерянная — движения у неё стали осмысленными. Она подошла к печи, взяла тряпку и стала вытирать край стола, до которого Игорь не дотягивался.

— Помочь, тётъ Тонь? — тихо спросила она.

Антонина Павловна обернулась, и на её лице смешались удивление и радость.

— Да ты посиди, дочка. Тебе ещё сил набираться надо.

— Если я всё время сидеть буду, совсем раскисну, — ответила Марина. — Дайте хоть картошку почистить.

Игорь головы от бумаг не поднял, но внутри у него как будто немного отпустило. Та полуживая тень, которую он привёл от мёртвого клуба, понемногу снова цеплялась за жизнь. То за домашнее дело возьмётся, то выйдет на крыльцо воздухом подышать, постоит, щурясь на солнце. В доме понемногу появлялось осторожное, ещё хрупкое тепло.

Но Марине всё равно было тяжело. Это было видно по тому, как она вздрагивала от стука калитки во дворе, как опускала глаза, проходя мимо Виктора, как держалась поближе к стене, будто боялась занять чужое место. Она жила у них как будто на чужом хлебе, и эта мысль мучила её не меньше, чем ломка.

— Я же вам в тягость, — сказала она однажды вечером, когда они с Оксаной развешивали бельё во дворе. — Ем ваш хлеб, сплю на вашей кровати. А кто я такая? Даже в глаза смотреть стыдно.

— Не стыдись, а делом помогай, — спокойно ответила Оксана, протягивая ей мокрую простыню. — Бери за тот конец. Натягивай.

И вот так, за простыми домашними делами — то картошку вместе чистили, то бельё вешали, то копались на грядках, — руки Марины будто заново вспоминали, что значит быть нужной, занятой, живой. Игорь наблюдал за этим со стороны и понимал: Оксана своей спокойной женской заботой делает то, чего не добьёшься ни уговорами, ни жёсткостью. Между ними крепла та самая тонкая связь, которая появилась ещё в ту страшную ночь, когда Марину ломало.

Однажды он застал её в сенях. Она стояла перед мутным, старым зеркалом и долго, не отрываясь, смотрела на своё отражение. Игорь хотел тихо уйти, но она его услышала и обернулась. По щекам у неё текли слёзы — не от боли и не от ломки. От стыда.

— Игорёк, — сказала она с трудом. — Ты посмотри, во что я превратилась. Мне ещё и тридцати нет, а лицо как у старухи.

— Марин...

— Сколько лет в никуда ушло, — она вытерла щёку ладонью, только сильнее размазав слёзы. — И сколько всего было... Я ведь половины даже не помню. Как будто это вообще не я жила.

Игорь не стал говорить пустые утешения. Просто подошёл и встал рядом. Молча, плечом к плечу. И этого оказалось достаточно. Этот горький взгляд в зеркало сказал ему главное: к Марине вернулась способность чувствовать. Видеть себя со стороны и ужасаться. А значит, не всё ещё потеряно.

Вечером, когда мать и Виктор уже легли, а в доме стало совсем тихо, Марина сама подошла к Игорю и села рядом у окна. Без суеты, без слёз, без просьб. Просто села, подобрав ноги, закуталась в материну кофту.

— Не спится, — сказала она.

— Мне тоже.

Они сидели рядом и спокойно разговаривали. Игорь слушал очень осторожно, будто боялся спугнуть что-то хрупкое. И в её голосе, в манере говорить, в отдельных интонациях понемногу проступала та самая девушка с моста — та, что когда-то махала ему вслед в светлом платье. Сквозь усталое, измученное лицо всё яснее проступала прежняя Марина.

— Хочешь, расскажу, как я до этого дошла? — вдруг спросила она. — Ты ведь не спрашиваешь. А я всё равно скажу. Чтобы ты знал.

— Если хочешь — расскажи.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Отец умер, — тихо начала она. — Через год после того, как ты уехал. А матери ещё раньше не стало. Я осталась одна. Денег нет, работы нет — завод уже тогда начал разваливаться. И тут подвернулись добрые люди. Помогли сначала деньгами, потом... — она криво усмехнулась. — Потом пошли долги, бутылка, а потом и эта дрянь. И всё. Затянуло, как в воронку. Сначала один шаг, потом второй — и тебя уже будто нет.

Она говорила запинаясь, не оправдывая себя. Просто рассказывала горькую правду о том, как опускалась. Игорь слушал и за её историей видел всё ту же сеть, которая душила весь город. То, что случилось с Мариной, было не случайностью. Это было ещё одно звено в той же цепи.

— Я же не дура была, — сказала она. — Понимала, куда качусь. Но остановиться уже не могла. И знаешь, что самое страшное? Я всё это время ждала тебя. Где-то совсем на дне всё равно ждала, что ты вернёшься. А когда ты правда вернулся — мне стало так стыдно, что лучше бы ты меня и не находил.

— Не говори так.

— Я не заслужила, Игорёк, — голос у неё дрогнул. — Ни твоей заботы, ни доброго слова. Я по рукам пошла. Меня весь город знает. А ты со мной возишься, как с человеком.

Игорь повернулся к ней и тихо, но твёрдо сказал:

— Я тебе не судья, Марин. И вытаскивал я тебя не для того, чтобы судить. Что было — то было. Но то, что было между нами, до всего этого, никуда не делось. И я от тебя не отвернусь. Слышишь? Не отвернусь.

Она долго смотрела на него молча. И что-то в её лице изменилось — будто с неё сняли часть того тяжёлого, почти невыносимого груза, который она таскала в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.